

СПУТНИК ISSN 2782-5647
ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

межвузовский научный журнал

№ 4(9) | 2022

♦ ♦ ♦

выпуск

**Современное
право:
проблемы
и тенденции**

Modern Law: Problems and Tendencies

Москва — Санкт-Петербург — Ростов-на-Дону — Сочи

Другие тематические выпуски «СВШ»

УСЛОВНАЯ ИНДЕКСАЦИЯ АВТОРОВ ПО СТАТУСУ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ АКТИВНОСТИ

молодой ученый, занимающийся разработкой отдельных аспектов какой-либо научной проблемы под руководством наставника или самостоятельно, имеет опыт исследовательской деятельности на уровне вуза, участвует в региональных научных конференциях;

представитель отдельного научного направления (научной школы), имеет ученую степень (звание), систематически участвует в межрегиональных научных форумах, располагает собственными (или в соавторстве) публикациями по исследуемой проблематике;

независимый исследователь или исследователь-практик, совмещающий научную и/или педагогическую деятельность с работой по основной профессии; располагает собственными (или в соавторстве) публикациями по исследуемой проблематике;

лидер региональной научной школы; развивает собственное научное направление; является признанным авторитетом в научном сообществе; располагает значительным количеством публикаций по исследуемой проблематике.

Главный редактор выпуска «Современное право: проблемы и тенденции» («Modern Law: Problems and Tendencies») —

Александр РАТЬКОВ,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Сочинского филиала
Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России),
кандидат юридических наук, доцент

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

Киселева А. В., Черкасов Ю. Ю. Отдельные вопросы судебной защиты трудовых прав в контексте устойчивого развития	4
Ядрова Д. В. Научный руководитель: Ратьков А. Н. Обеспеченность уголовно-процессуального статуса лиц, вовлеченных в проверку сообщения о преступлении	10
Арефинкина Е. Г. Личность несовершеннолетнего преступника в уголовном законодательстве России	14
Гражданкина Л. А. Научный руководитель: Димитрова Е. А. Правовое воспитание как средство предупреждения неосторожной преступности	22
Яковлев-Чернышев В. А. Научный руководитель: Ратьков А. Н. Об институте следственного судьи либо судебного следователя	29
Зейтунян Э. С. Научный руководитель: Пильников С. Г. Состояние виктимизации населения в Российской Федерации на современном этапе	34
Мазур Ю. А. Научный руководитель: Ратьков А. Н. Место ли планируемому новому виду правонарушений в виде уголовного проступка в системе категорий преступления?	37
Ивнева Е. В., Найденышев Ю. В. К вопросу о дополнительных мерах по профилактике насильственной преступности (на примере Краснодарского края)	41
Задаянная О. И. Некоторые проблемы регламентации судебно-экспертной деятельности	48
Гимель М. И. Научный руководитель: Ратьков А. Н. Результаты дифференциации уголовного судопроизводства, провоцирующие коррупционное поведение	52
Черкасова Д. Н. Научный руководитель: Пильников С. Г. Использование международного опыта в правотворческом регулировании предупреждения преступности несовершеннолетних в России	58
Калюжная В. В. Научный руководитель: Подройкина И. А. Информационный терроризм: уголовно-правовые аспекты	63

В МИРЕ ВУЗОВСКОЙ НАУКИ

Сашенко А. А. Состоялся региональный этап Всероссийской студенческой юридической олимпиады	68
Ратьков А. Н. Значимые события как инструмент повышения интереса учащихся юридических специальностей к углубленному изучению профильных дисциплин	72
Круглый стол памяти выдающегося криминолога В. В. Лунеева	76

ЮБИЛЕИ

К 90-летию профессора М. М. Бабаева	78
---	----

УДК 502.131.1

DOI 10.55346/27825647_2022_2_04

Киселева А. В.,

*доцент кафедры финансового права юридического факультета,
Южный федеральный университет,
к. ю. н., доцент,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

© 2022

*Дата приема:
18.03.2022*

Черкасов Ю. Ю.,

*старший преподаватель кафедры финансового права
юридического факультета,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ ТРУДОВЫХ ПРАВ В КОНТЕКСТЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

В статье предпринята попытка комплексного анализа влияния судебной защиты трудовых прав на достижение целей устойчивого развития.

Авторы позитивно оценивают политический курс Российской Федерации, направленный на достижение целей устойчивого развития, констатируя при этом необходимость дальнейшего совершенствования механизма судебной защиты трудовых прав. По мнению авторов, учет законодателем сформулированной в данном исследовании позиции позволит добиться более эффективного правового регулирования общественных отношений в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: *судебная защита трудовых прав; устойчивое развитие; цели устойчивого развития; ESG.*

Высшей конституционной ценностью в Российской Федерации является человек, его и права и свободы. Международно-правовые акты в области трудовых отношений исходят из понимания необходимости дополнительного гарантирования трудовых прав наемного работника как слабой стороны правоотношений в сфере труда. Эффективная организация труда, позитивно влияющая на экономическую систему государства, невозможна без отлаженного правового механизма защиты прав и законных интересов субъектов трудового права.

Институт судебной защиты трудовых прав в современных условиях нуждается в дальнейшем совершенствовании, и осуществляться эти изменения должны с учетом основополагающих документов ООН, регламентирующих цели устойчивого развития (ЦУР) в эпоху антропоцена.

Актуальность рассматриваемой проблематики и целесообразность разработки представленной темы обусловлены необходимостью достижения целей устойчивого развития за счет их гармонизации со сложившимися социальными отношениями во всех сферах жизни общества. При этом общественные отношения выдвигаются на первый план, а совершенствование защиты прав и свобод личности остается одним из государственных приоритетов.

Рассматриваемые вопросы относятся к числу относительно изученных в правовой науке, но комплексных работ, носящих межотраслевой характер, на наш взгляд, всё же недостаточно.

Научная новизна исследования заключается в попытке оценить роль и значение механизма защиты трудовых прав для достижения целей устойчивого развития.

Целью настоящего исследования является выявление основных системообразующих связей и зависимостей между ESG-трансформацией и защитой трудовых прав.

В ходе изучения обозначенной описанной проблематики авторы попытались решить ряд задач: проанализировать статистику основных показателей судебной защиты трудовых прав; определить наиболее зависимые от сферы трудовых отношений цели устойчивого развития; сформулировать собственные предложения, направленные на повышение эффективности механизма судебной защиты трудовых прав.

Теоретическая значимость исследования обусловлена диалектическим анализом прямой зависимости степени защиты трудовых прав и темпов ESG-трансформации. При этом верные, с точки зрения авторов, направления совершенствования механизма защиты трудовых прав представляют несомненный практический интерес в рамках данной научной работы.

В основу методологии исследования положены метод диалектического материализма, метод логического анализа, метод анализа научной литературы и толкование нормативно-правовых актов.

Для исследователей, предметно занимающихся ESG-повесткой, всегда было очевидно, что в ее центре стоит личность, ее права и свободы, закрепленные в законодательстве, и (что не менее важно!) интересы, которые напрямую законодательством не регулируются и реализация которых пусть и не является прямой обязанностью работодателя, но способна значительно повысить качество управления человеческим капиталом, максимизировать производительность труда. По сути, классиками марксизма и иных экономических теорий всегда признавалось, что снижение издержек производства, повышение его эффективности возможно главным образом за счет увеличения коэффициента полезной деятельности.

Обычно традиционными нормами трудового законодательства невозможно привить работнику максимальную заинтересованность в конечном результате его деятельности. Все трудовые нормы принадлежат работнику в силу «собственного» права. А вот создание неких дополнительных стимулов, не предусмотренных нормами права, формируют у работника позитивный эмоциональный настрой, делают его более лояльным по отношению к работодателю, воспитывают в нём чувство сопричастности общему делу, что в конечном итоге позитивно

влияет на результат трудовой деятельности, общее состояние микро- и макроэкономической среды.

Не удивительно, что в современных условиях перманентного внешнего санкционного давления вектор ESG-трансформации смещается в сторону «S». Так, на заседании Правительства РФ 12 марта 2022 года обсуждалась необходимость оперативного мониторинга ситуации на системообразующих предприятиях регионов, важность своевременного реагирования с целью сохранения рабочих мест и защиты человеческого капитала.

По нашему мнению, наиболее тесно со сферой трудовых отношений связаны следующие цели устойчивого развития, закрепленные в соответствующих документах ООН:

1. ЦУР 5. Обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек.

2. ЦУР 8. Содействие неуклонному, всеохватному и устойчивому экономическому росту, полной и производительной занятости и достойной работе для всех.

3. ЦУР 16. Содействие построению миролюбивых и открытых обществ в интересах устойчивого развития, обеспечение доступа к правосудию для всех и создание эффективных, подотчетных и основанных на широком участии учреждений на всех уровнях.

Следует признать, что в настоящее время проблема гендерного неравенства в области трудовых отношений сохраняет свою актуальность. В соответствии с Добровольным национальным обзором об осуществлении Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года (опубликован в 2020 году) считается, что в России «вопрос гендерного неравенства в настоящее время... проявляется главным образом в виде более низкой оплаты труда у женщин, а также в невысокой доле женщин на руководящих должностях организаций и стратегических позициях в государственных органах власти» [1]. В большей степени это связано с неравномерностью карьерных позиций и заработных плат сотрудников — мужчин и женщин. По данным Федеральной службы государственной статистики (Росстат), в октябре 2017 года отношение заработной платы женщин к заработной плате мужчин составило 71,7%.

В Российской Федерации провозглашено гендерное равенство прав в области трудовых отношений, одним из аспектов которого является запрет любой формы дискриминации по половому признаку в сфере труда.

Как отмечается в 30-м «Докладе о человеческом развитии 2020», опубликованном Программой развития Организации Объединенных Наций (ПРООН): «... для того, чтобы ориентироваться на своем пути в антропоцене, человечество должно развить возможности, представительство и ценности, необходимые для того, чтобы снижать неравенство, стимулировать инновации и развивать культуру рационального управления природными ресурсами. Совместить рост человеческого благополучия со снижением планетарной нагрузки получится лишь в том случае, если равенство, инновации и рациональное управление природными ресурсами будут обладать большим весом при принятии все большего числа решений и станут центральным в определении того, в чем заключается представление о хорошей жизни» [2].

Гендерных исследований в области судебной защиты трудовых прав в РФ в настоящее время практически нет, отсутствует и официальная статистика судебных органов на этот счет.

Особое значение в контексте рассматриваемой проблемы имеет задача 8.8 ЦУР 8 «Защита трудовых прав и содействие обеспечению надежных и безопасных условий работы для всех трудящихся». К сожалению, в Добровольном докладе 2020 года задача защиты трудовых прав не раскрывается.

Между тем в настоящее время статистические показатели рассмотрения судебных споров претерпевают существенные изменения. За последние годы произошло заметное снижение количества судебных трудовых споров (с 610 тыс. в 2016 году до 247 тыс. в 2020 году). При этом снижение абсолютного числа трудовых споров в судах произошло на фоне роста абсолютного количества гражданских дел в судах (с 12,8 млн в 2016 году до 21,4 млн в 2020 году). То есть доля судебных трудовых споров в 2020 году снизилась практически в пять раз по сравнению с 2016 годом [3].

За 2020 год рассмотрено 247 624 дел [4] по трудовым спорам (это 1,2% от общего числа рассмотренных судами общей юрисдикции и мировыми судьями гражданских дел). Из них было обжаловано 23 114 (9,3% от общего числа рассмотренных судами трудовых споров), изменено (отменено) 5 500 (23,8% от общего количества обжалованных).

В 2021 году тенденция сохранилась: за первое полугодие 2021 года рассмотрено 109 204 дел по трудовым спорам (это 1% от общего числа рассмотренных гражданских дел).

Данные приведенной статистики могут свидетельствовать о снижении общего количества нарушений трудовых прав работников, о разрешении трудовых споров на досудебных стадиях или снижении эффективности механизма судебного разрешения трудовых споров (в том числе снижении доверия к судебным институтам, снижении квалификации судей, увеличении длительности рассмотрения спора, степени доступности правосудия для широких слоев граждан). Таким образом, в данном контексте верным представляется рассмотрение влияния на эффективность судебной защиты трудовых прав как внешних, так и внутренних факторов в соответствии с Заключением № 11 Консультативного совета европейских судей «О качестве судебных решений» [5].

Сегодня в целях преодоления негативной тенденции остро стоит проблема реформирования механизма судебной защиты трудовых прав в целях повышения его эффективности. Некоторые исследователи (например И. А. Костян, И. К. Пискарева, Б. А. Шеломова [6], В. М. Оробец [7; 8]) рассматривают в качестве одной из таких мер создание специальных трудовых судов, то есть предлагается структурная реформа.

Однако с учетом современных количественных показателей судебных споров и тенденции к их снижению эта мера не может считаться оптимальной. Авторам представляется, что в современных условиях необходима специализация судей, рассматривающих трудовые дела в рамках действующей системы судов общей юрисдикции, а также закрепление звена районных (городских) судов в качестве суда первой инстанции по всем категориям трудовых споров.

Одним из направлений совершенствования судебного механизма рассмотрения судебных споров, по мнению авторов, должно выступать совершенствование процессуального законодательства в части адаптации принципа состязательности применительно к существенным особенностям трудовых споров. В частности, речь может идти о смещении бремени доказывания отсутствия нарушения трудовых прав на работодателя в большинстве трудовых споров.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Добровольный национальный обзор об осуществлении Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года (опубликован в 2020 году). — URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/dcbc39abeafb0418d9d48c06c958e454/obzor.pdf> (дата обращения: 15.03.2022).
2. 30-й «Доклад о человеческом развитии 2020», опубликованный Программой развития Организации Объединенных Наций (ПРООН). — URL: https://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2020_ru.pdf (дата обращения: 15.03.2022).
3. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2020 год. — URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671> (дата обращения 15.03.2022).
4. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2016 год. — URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3832> (дата обращения 15.03.2022).
5. Заключение № 11 Консультативного совета европейских судей «О качестве судебных решений» (ССЖЕ (2008)5) (принято в г. Страсбурге 18.12.2008) // Прецеденты Европейского суда по правам человека / Электронное периодическое издание; учредитель — ООО «Развитие правовых систем». 2014. октябрь. № 6 (06). С. 106–119.
6. Костян И., Пискарев И., Шеломов Б. О специализированных судах по трудовым делам и Трудовом процессуальном кодексе РФ // Хозяйство и право. 2003. № 8. С. 27–41.
7. Оробец В. М. Трудовая юстиция в зарубежных странах и проблемы ее становления в Российской Федерации. М.: Изд-во НИИ труда, 2005.
8. Оробец В. М. Трудовая юстиция в зарубежных странах и проблемы ее становления в Российской Федерации: дис. на соиск. учен. ст. док. юрид. наук. М., 2006.

Kiseleva A. V.,

*Assoc. Prof. of the Department of Financial Law, Faculty of Law,
Southern Federal University, Candidate of Legal Sciences,
Rostov-on-Don, Russia*

Cherkasov Y. Y.,

*Senior Lecturer of the Department of Financial Law, Faculty of Law,
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia*

SELECTED ISSUES OF JUDICIAL PROTECTION OF LABOR RIGHTS
IN THE CONTEXT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT

The article examines the impact of judicial protection of labor rights on the achievement of sustainable development goals. The authors positively assess the political course of the Russian Federation aimed at achieving the Sustainable Development Goals. The article demonstrates the need to improve the mechanism of judicial protection of labor rights. The authors have attempted a comprehensive analysis of the impact of judicial protection of labor rights on the achievement of sustainable development goals. Taking into account the formulated position by the legislator, according to the authors, will make it possible to achieve more effective legal regulation of public relations in this area.

Key words: judicial protection of labor rights; sustainable development; sustainable development goals; ESG.

УДК 343.1

DOI 10.55346/27825647_2022_4_10

Ядрова Д. В.,

*студентка, Сочинский филиал ВГУЮ (РПА Минюста России),
г. Сочи, Россия*

© 2022

*Дата приема:
28.04.2022*

Научный руководитель: Ратьков А. Н.,

*доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Сочинский филиал ВГУЮ (РПА Минюста России),
к. ю. н., доцент, г. Сочи, Россия*

ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА ЛИЦ, ВОВЛЕЧЕННЫХ В ПРОВЕРКУ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ

Значительное расширение действий, допускаемых до возбуждения уголовного дела на этапе проверки заявлений и других сообщений о преступлении, существенно затрагивает права и свободы тех лиц, которые вовлекаются в эту проверку. Однако статус этих лиц, можно говорить, практически не определен. Участниками уголовного судопроизводства они не являются, а отсюда попытки законодателя наделить их какими-либо правами со ссылкой на участников процесса являются некорректными. В статье анализируются проблемы наделения вовлеченных в процесс проверки лиц правами, которые бы служили гарантией соблюдения их прав и свобод.

Ключевые слова: *проверка; причастность; преступление; участники уголовного процесса; процессуальный статус; защитник; право на защиту.*

Статус, согласно словарю русского языка, — совокупность прав и обязанностей гражданина или юридического лица [1, с. 792]. Следовательно, уголовно-процессуальный статус — это совокупность прав и обязанностей участников уголовного судопроизводства, прописанных и закрепленных в УПК РФ. Раздел II УПК РФ «Участники уголовного судопроизводства» подтверждает именно такое понимание статуса, поскольку в нормах, включенных в этот раздел, детально регламентируются права и обязанности тех субъектов, которые признаются участниками уголовного судопроизводства. Когда же обращаешься к законодательно закрепленному порядку действий на стадии возбуждения уголовного дела, в этом приходится усомниться. Сомнения связаны, прежде всего, с этапом проверки сообщения о преступлении.

В части 1¹ ст. 144 УПК РФ предусматривается, что участники проверочных действий имеют следующие права: не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (супруги) и других близких родственников, круг которых определен п. 4 ст. 5 УПК РФ; пользоваться помощью адвоката; обжаловать действия и реше-

ния должностных лиц, производящих проверочные действия; заявлять ходатайства о применении мер безопасности.

Этот перечень прав для участников проверки сообщения о преступлении следует признать исчерпывающим, потому как нигде более в законе такие лица не упоминаются и об их правах или обязанностях речь не идет.

В то же время известно, что статус подозреваемого и обвиняемого, которым может стать лицо, в отношении которого проводится проверка, включает в себя право на помощь защитника (п. 3 ч. 4 ст. 46 и п. 8 ч. 4 ст. 47 УПК РФ). Пытаясь наделять аналогичным правом и лицо, подвергаемое уголовному преследованию в стадии возбуждения уголовного дела, законодатель дополнил ч. 3 ст. 49 УПК РФ пунктом 6 (ФЗ от 04.03.2013 № 23-ФЗ). Данный пункт предусматривает участие защитника в уголовном деле с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводятся проверочные действия в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ. Однако в этом случае, как справедливо обращают внимание Е. В. Марковичева и В. Ф. Васюков, возникла парадоксальная ситуация, заключающаяся в том, что диспозиция этой нормы переплела две стадии досудебного производства в одно целое. Из содержания ч. 1 ст. 49 УПК РФ следует, что защитник может осуществлять защиту только подозреваемых и обвиняемых, но не лицо, подвергаемое уголовному преследованию в стадии возбуждения уголовного дела, то есть еще до самого возбуждения уголовного дела. [2, с. 43]. Законодатель не выделяет правовой статус лица, в отношении которого проводится проверка в порядке ст. 144 УПК РФ, и не наделяет такое лицо правом на помощь защитника.

Кроме того, в этом случае возникает и такой закономерный вопрос: каким образом следователь (дознатель) может определить, затрагивает ли проверочное действие права и свободы конкретной личности, когда причастность этого лица к преступной деятельности доподлинно еще не известна, она только проверяется? [3, с. 4].

Еще один, как представляется, немаловажный момент в современном регламенте действий на этапе проверки сообщения о преступлении. В стадии возбуждения уголовного дела не предусмотрен порядок назначения защитника за счет государства. Даже при всем желании следователя (дознателя) обеспечить на этом этапе участие защитника по назначению, он этого сделать не сможет, так как УПК РФ такую возможность предоставляет только в отношении подозреваемого и обвиняемого, которые могут появиться только после возбуждения уголовного дела.

В этой связи представляется правильным сформулировать в УПК РФ перечень оснований, которые будут обязательными для следователя (дознателя) при вызове защитника лицам, в отношении которых проводятся проверочные действия. По мнению уже цитировавшихся Е. В. Марковичевой и В. Ф. Васюкова к таким основаниям можно отнести: оформление заявления о явке с повинной; получение объяснения от лица, явившегося с повинной; изъятие образцов для сравнительного исследования; назначение экспертизы по основаниям, предусмотренным подпунктами 3, 3.1, 3.2, 5 ст. 196 УПК РФ; истребование документов и предметов, их изъятие в порядке, установленном УПК РФ [2, с. 43]. Ю. Б. Чупилкин дополняет

названные основания еще такими, как проведение гласных оперативно-розыскных мероприятий и фактическое задержание лица [4, с. 38; 5, с. 44].

Анализ специальной литературы по заявленной теме позволяет указать и на другие элементы неурегулированности статуса лиц, вовлекаемых в проверку сообщения о преступлении. В частности, остается бесправным лицо, захватываемое на месте предполагаемого преступления и доставляемое в орган дознания [6, с. 27; 7, с. 233–234], никак не прописан личный досмотр такого лица [8, с. 49].

В этой связи позволим себе высказать предложение о необходимости включения в УПК РФ самостоятельной главы с названием «Участники проверки заявлений и сообщений о готовящемся или совершенном преступлении», в которой следует постатейно закрепить статус каждого участника, что позволит устранить существующие противоречия и пробелы действующего законодательства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. М.: Ридерз Дайджест, 2004. 960 с.
2. Марковичева Е. В., Васюков В. Ф. Проблемные вопросы возбуждения уголовных дел на современном этапе: монография. М.: Проспект, 2019. 80 с.
3. Николюк В. В., Марфицын П. Г. Участие адвоката на первоначальной стадии уголовного процесса // Российский следователь. 2015. № 9. С. 3–5.
4. Чупилкин Ю. Б. Участие адвоката при проведении оперативно-розыскных мероприятий // Уголовный процесс. 2018. № 6. С. 32–40.
5. Чупилкин Ю. Гарантии прав лица, задержанного до возбуждения уголовного дела // Законность. 2008. № 12. С. 44–45.
6. Цоколова О. Фактическое задержание // Законность. 2006. № 3. С. 25–28;
7. Ратков А. Н. Законы все совершенствуются, а проблемы задержания лиц остаются прежними // Интеграция таможенной службы Юга России в систему международных отношений: достижения, проблемы, перспективы: материалы научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 17 ноября 2011 г.). Ростов-на-Дону: Российская таможенная академия, Ростовский филиал, 2011. С. 229–235.
8. Назаров С. Задержание — «иное» процессуальное действие // Российская юстиция. 2003. № 7. С. 48–49.

Yadrova D. V.,

*student, Sochi branch of the All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia), Sochi, Russia*

Academic Supervisor: Ratkov A. N.,

*Cand. of Legal Sciences, Assoc. Prof. of the Criminal Law Department, Docent,
Sochi branch of the All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia), Sochi, Russia*

SECURING THE CRIMINAL PROCEDURAL STATUS OF PERSONS
INVOLVED IN THE VERIFICATION OF A CRIME REPORT

A significant increase in the number of actions allowed prior to criminal proceedings at the stage of verifying allegations and other reports of a crime significantly affects the rights and freedoms of those involved in the verification. However, the status of these persons can be said to be almost undefined. They were not participants in criminal proceedings, and it was therefore incorrect for the legislature to grant them any rights by referring to the parties to the proceedings. The article provides analysis of the problems of granting rights to the persons involved in the verification process which would serve as a guarantee of observance of their rights and freedoms.

Key words: verification; involvement; crime; participants in criminal proceedings; procedural status; defence counsel; right to defence.

УДК 343.221

DOI 10.55346/27825647_2022_4_14

Арефинкина Е. Г.,
зав. кафедрой уголовного права и процесса,
Сочинский институт (филиал)
Российского университета дружбы народов,
к. ю. н., г. Сочи, Россия

© 2022

Дата приема:
16.05.2022

ЛИЧНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПРЕСТУПНИКА В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ

На практике при исследовании личности несовершеннолетнего преступника возникает немало вопросов, связанных с определением влияния характеристических черт несовершеннолетнего (мировоззрения, системы ценностей, императивов и пр.) на его действия, повлекшие уголовную ответственность. В данной статье дается анализ подходов, связанных с исследованием личности несовершеннолетнего преступника. Автор обосновывает необходимость учета психолого-возрастного портрета несовершеннолетнего в ходе судебного разбирательства в целях избрания судом справедливой и адекватной меры наказания.

Ключевые слова: судебное разбирательство; суд; личность преступника; данные, характеризующие личность; обстоятельства, подлежащие установлению; несовершеннолетний.

Изучение личности несовершеннолетнего преступника имеет как теоретическое, так и прикладное значение, ведь суд обязан учитывать личностные характеристики подсудимого, чтобы избрать справедливое наказание. Игнорирование личностных особенностей ведет к формализму в судебных решениях, подрывает основы индивидуализации назначения наказания. Современная наука, посвященная анализу личности преступника указывает на значительный набор признаков, характеризующих преступника как личность. Так, в качестве обособленных классификационных групп таких признаков выделяются:

- 1) социологические: пол, возраст, род занятий, семейное положение, количество находящихся на иждивении лиц и др.;
- 2) юридические: вид совершенного преступления, наличие судимости, характер и размер причиненного преступлением вреда, форма вины при совершении преступления и др.;
- 3) медико-биологические: общее состояние здоровья, наличие патологий, временных и хронических заболеваний;

4) нравственно-психологические (характеризуют особенности формирования решения о совершении преступления) и др.¹

Накопление и систематизация сведений о характеристиках несовершеннолетнего в теоретическом плане позволяют грамотно и на научной основе типизировать их для последующей выработки адекватных мер профилактики преступности.

Анализ особенностей личности позволяет понять, какими признаками и свойствами несовершеннолетний преступник отличается от своего законопослушного сверстника, а это в свою очередь открывает пути для получения углубленных представлений о том, какие именно категории подростков обладают наибольшей склонностью к преступным деяниям или же более других подвержены криминальному влиянию.

Понимание механизма преступного поведения как результата взаимодействия социальной среды и типа личности позволяет лучше понять и интерпретировать противоправное поведение несовершеннолетних.

Девиантное поведение качественно отличается (своей общественной опасностью) от правомерного поведения. Поэтому необходимо знать, какие особенности личности подростка обуславливают осознанное предпочтение именно данного варианта поведения.

Девиантным (отклоняющимся) поведением называют устойчивое поведение личности, отклоняющееся от наиболее важных социальных норм; причиняющее реальный ущерб обществу или самой личности, а также сопровождающееся ее социальной дезадаптацией². По мнению С. А. Корягиной³, девиантным считается поведение, отклоняющееся от норм морали, принятых в определенном обществе на данном уровне социального и культурного развития, и влекущее за собой определенные санкции: изоляцию, наказание, лечение, осуждение и другие формы порицания нарушителя. Проявляется оно в виде несбалансированности психических процессов, неадаптивности, нарушении процесса самоактуализации, а также в виде уклонения от нравственного или эстетического контроля за собственным поведением.

В отличие от права криминологическое учение определяет личность преступника в качестве системы психологических, социальных, правовых и иных особенностей и качеств человека, которые составляют основу преступного поведения (совершения преступления)⁴. Анализируя личность несовершеннолетнего преступника необходимо отметить, что ее признаки, черты и свойства, какими бы

¹ Грачева М. Л., Мальцев С. А., Дрозд Е. Д. Классификация и типология личности преступника в криминологии // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации: сб. статей XIII Международной научно-практической конференции / Под ред. Г. Ю. Гуляева. Пенза, 2018. С. 87–88.

² Письмо Минобрнауки России от 28.04.2016 №АК-923/07 «О направлении методических рекомендаций» (вместе с «Методическими рекомендациями по вопросам совершенствования индивидуальной профилактической работы с обучающимися с девиантным поведением») // Администратор образования. 2016. № 12.

³ Корягина С. А. Особенности ранней профилактики девиантного поведения несовершеннолетних // Российский следователь. 2008. № 12. С. 22.

⁴ Геннадьев Ю. Д. Понятие личности преступника // Государство и право. 2017. № 8. С. 101.

они не были, не могут являться причиной противоправных действий. Любой законопослушный человек может обладать схожим набором качеств. На наш взгляд, особенность несовершеннолетнего преступника заключается в том, что формирование негативных его черт сопровождается интенсивными изменениями в сознании и физиологии несовершеннолетнего, психологической спецификой подросткового периода, которая аккумулирует в себе факторы переходного возраста, присущие подростку, и набор негативных свойств, характерных личности любого преступника, которые в целостности и образуют исследуемый феномен.

Самое большое число лиц с девиантным поведением выявляется в подростковом возрасте. Этот возраст издавна именуют «взрывоопасным», «ранимым», «трудным», «жестокосердным», «кризисным». В этот период физическое и духовное развитие несовершеннолетнего еще не завершено. Это отражается на характере его действий и поступков. В подростковом возрасте интенсивно происходит социальное развитие: начинают формироваться мировоззрение, нравственные убеждения, принципы и идеалы, вырабатывается система оценочных суждений. Неблагополучное окружение подростка способствует усваиванию им искаженной системы ценностей, формированию низкой самооценки, облегчает процесс вовлечения несовершеннолетнего в антиобщественные действия.

Накопленный эмпирический опыт позволяет нам выделить ряд противоречий, присущих этому возрасту: с одной стороны — непримиримость к неправде, злу, готовность вступить в борьбу с малейшим отклонением от истины, а, с другой стороны — неспособность разобраться в сложных явлениях жизни; желание самоутвердиться и неумение это сделать вкупе с незрелостью мировоззрения, неразвитостью волевой регуляции; богатством желаний и ограниченностью возможностей и опыта. Для подростка характерны максимальные диспропорции в уровне и темпах развития¹. И хотя возрастные особенности занимают не последнее место в развитии антиобщественного поведения несовершеннолетнего, однако их существование нельзя напрямую связывать с фактами совершения преступлений. Они являются лишь катализаторами в процессе становления криминального типа поведения.

Важнейшей социально-демографической характеристикой личности несовершеннолетнего преступника является возраст. Уголовный закон трактует несовершеннолетнего как лицо, которому ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать, но не исполнилось восемнадцати лет (ч. 1 ст. 87 УК РФ). Следовательно, диапазон рассматриваемой категории составляют лица от 14 до 18 лет.

Складывающаяся в сфере уголовной политики в отношении несовершеннолетних ситуация оценивается неоднозначно. Отдельные исследователи, предупреждая от распространения безнаказанности и беззакония в подростковой среде, предлагают понизить возраст уголовной ответственности, либо расширить круг деяний, за совершение которых уголовная ответственность наступает с 14 лет, другие же — наоборот — последовательно отстаивают идею смягчения ответственности и наказания несовершеннолетних. Думается, к подобным изменениям уголовного закона следует подходить с особой осторожностью. Как показывает анализ эволюции уголовного законодательства, далеко не всегда ужесточение

¹ Семенюк Л. М. Хрестоматия по возрастной психологии: учебное пособие для студентов / Под ред. Д. И. Фельдштейна: изд. 2-е, доп. М.: Институт практической психологии, 1996. С. 156.

репрессивного начала ведет к снижению уровня преступности, тем более среди несовершеннолетних. Полагаем, что в ситуации с этой категорией граждан следует руководствоваться строго индивидуальным подходом к выбору мер реагирования на преступное поведение.

По роду занятий самую высокую криминогенную активность по-прежнему проявляют несовершеннолетние, не работающие и не учащиеся, их число растет наиболее высокими темпами. Это связано с проблемами трудоустройства подростков, отсутствием возможности продолжить образование после окончания школы (повсеместность платного обучения), ослаблением контрольных функций со стороны семьи и школы.

Увеличение числа незанятых общественно-полезным трудом несовершеннолетних, совершающих преступления, вызывает серьезные опасения, так как они, будучи выключенными из жизни и общественно-полезной деятельности, создают значительный потенциал для взрослой преступности и рано или поздно будут востребованы криминальным миром. В силу понятных причин они не могут рассчитывать на достойную работу, поэтому нередко криминальная деятельность оказывается одним из способов решения насущных проблем.

Важный аспект проблемы заключается в том, что в последние годы повышается общественная опасность преступлений несовершеннолетних, что влечет возрастание общественной опасности личности виновного. Всё чаще констатируется усиление жестокости, агрессивности, растет число несовершеннолетних, привлекаемых к уголовной ответственности за совершение убийств и причинение тяжкого вреда здоровью. Получают распространение такие виды преступлений, как вымогательство, торговля оружием, компьютерные преступления, заведомо ложные сообщения об акте терроризма и т.п. Обеспокоенность вызывает также массовое вовлечение подростков в наркобизнес, причем не только в качестве потребителей, но и в качестве распространителей наркотиков.

Нравственно-психологический склад личности несовершеннолетнего преступника качественно отличается от склада правопослушного подростка, но в меньшей степени, чем у взрослых, поскольку несовершеннолетний — еще не сформировавшаяся личность, и на неё в большей мере, чем на взрослого, оказывает влияние внешняя ситуация. Психологические особенности проявляются в системе психических образований, которые детерминируют совершение криминального деяния. Ученые, специализирующиеся в сфере судебной психологии, в качестве основного психологического признака личности преступника выделяют ее криминогенность, под которой понимают «свойство личности, выражающее субъективную допустимость преступного способа поведения при определенных внешних и внутренних условиях»¹.

Несовершеннолетним лицам по сравнению со взрослыми, в силу отсутствия значительного криминального опыта при большей криминальной активности, присущ меньший уровень криминогенности. Очень часто несовершеннолетний идет на совершение преступления из-за низкой сопротивляемости криминогенному влиянию, неустойчивого правосознания (т.е. он не может противостоять психоло-

¹ Кургузкина Е. Б. Теория личности преступника и проблемы индивидуальной профилактики преступлений. Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2003. С. 15.

гическому давлению друга или группы приятелей), а не по причине собственного осознанного желания действовать незаконно. Вместе с тем большое число среди несовершеннолетних преступников лиц, замеченных до совершения преступления в антиобщественном поведении (каждый восьмой из десяти преступников), позволяет говорить о наличии у большинства из них асоциальной установки, которая, однако, на ранних этапах, когда она еще не достигла уровня криминогенности, характерного для «девианта», не была должным образом купирована¹.

Мотивом совершения несовершеннолетними преступлений по большей части выступают корысть, желание удовлетворить свои материальные потребности. К ведущим мотивам также можно отнести стремление самоутвердиться, занять и удержать в коллективе лидерские позиции. Наряду с указанными факторами в научной литературе выделяют и так называемые «детские» мотивы: озорство, шалость, желание рискнуть, испытать себя и т. д.

Для интересов и потребностей несовершеннолетних преступников характерны неустойчивость, изменчивость, преобладание утилитарных, материальных интересов над духовными. Волевая сфера несовершеннолетних преступников характеризуется по большей части отрицательными волевыми свойствами, такими как: нецелеустремленность, упрямство, невыдержанность, недисциплинированность, инертность, несамостоятельность, чрезмерная податливость. Эмоциональный фон личности несовершеннолетних преступников отличается проявлением излишней агрессии, тревожности, беспокойства, повышенной эмоциональной возбудимостью, вспыльчивостью. Характерно, что насильственным преступникам присущ повышенный уровень агрессии, тогда как у корыстно ориентированных подростков преобладает такая черта, как тревожность. Значительны искажения правового сознания несовершеннолетних преступников, уровень которого значительно ниже, чем у их законопослушных ровесников. Они, как правило, имеют скудное представление о своих правах и обязанностях, источником их знаний становится собственный опыт столкновения с законом либо мнение лиц из ближайшего окружения. Нормы права воспринимаются ими как система установленных запретов, условием соблюдения или несоблюдения которых выступает тяжесть наказания.

В сфере досуга для большинства правонарушителей типично беспорядочное и бесцельное времяпрепровождение. У большинства лиц данной категории побуждения, интересы, желания сводятся к потребительству, обладанию вещами, вызывающими зависть у других, стремлению к постоянным развлечениям, возможности не отказывать себе в возникающих желаниях.

В последние годы серьезную тревогу вызывает потеря чувства ответственности у части подростков в сочетании с завышенными запросами и необузданными потребностями. Отмечается рост девиантных установок и предпочтений у подрастающего поколения.

Отсутствие на практике единообразного подхода к определению перечня данных о несовершеннолетнем, совершившем преступление, объясняется отчас-

¹ Вопросы возникновения и предупреждения правонарушающего поведения несовершеннолетних подробно рассмотрены в исследовании Косенко А. А. «Преступная девиантность несовершеннолетних и ее профилактика (теоретические и практические аспекты)». Волгоград, 2003.

ти многомерностью массива информации о личности любого индивида, а также открытостью такого перечня с позиции законодателя. Содержание отдельных данных о личности и глубина их исследования определяются в каждом конкретном случае особенностями рассматриваемого судом уголовного дела и личностью подсудимого. Подобная свобода правоприменителя при учете свойств личности преступника, с одной стороны, позитивно сказывается на решении отдельных вопросов (таких, например, как индивидуализация наказания), а с другой — препятствует единообразию в правоприменительной практике. Поэтому не случайно в профильной научной литературе высказываются предложения, направленные на оптимизацию использования данных о личности преступника в правоприменительной практике¹.

Изучение уголовных дел по обвинению несовершеннолетних показало, что в большинстве приговоров суды никоим образом не приводят оценку особенностей личности несовершеннолетнего, не устанавливают присущих ему характерологических черт, формально ограничиваясь общей фразой об «учете судом данных о личности виновного» и ссылкой на бытовую либо производственную характеристику. Ущербность индивидуализации наказания с этой точки зрения вызвана отсутствием в материалах дела сведений такого рода о несовершеннолетнем. В этой связи до настоящего времени остаются актуальными предложения ряда исследователей² о необходимости обязательного привлечения психологов к судопроизводству по делам несовершеннолетних в порядке оказания суду консультативной помощи, для составления психологических портретов или подготовки заключений по различным психологическим вопросам, включая влияние тех или иных мер наказания на генезис личности конкретного преступника в будущем.

Обобщая вышеизложенное, отметим — совокупность свойств личности в недостаточной мере отражается и учитывается при избрании несовершеннолетнему вида и меры наказания, поскольку уголовный закон дифференцирует наказание в зависимости от строго определенного круга обстоятельств (которые в силу требований закона смягчают или усиливают наказание): конкретный возраст несовершеннолетнего (ст. 61, 87, 88 УК РФ), уровень его психического развития (ст. 22 УК РФ), личностные состояния, смягчающие либо отягчающие наказание (ст. 61, 63 УК РФ).

Предусмотренные в ст. 89 УК РФ «иные особенности личности» в деятельности судов фактически никак не толкуются и не учитываются в связи с отсутствием конкретизации природы этих особенностей и хотя бы примерного перечня. В связи с объемом и сложностью понятия «личность», его раскрытие непосредственно в формулировках уголовного закона практически невозможно. В то же время вопрос о том, какими пределами должно ограничиваться изучение данных о личности, как самостоятельное требование общих начал назначения наказания в рамках его индивидуализации, имеет существенное значение. Установить всё многообразие свойств личности в рамках отдельно взятого уголовного

¹ Емельянов Д. В. К вопросу об особенностях установления и исследования обстоятельств, характеризующих личность подсудимого, в ходе судебного разбирательства // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 3. С. 67–75.

² Петрова А. Б. Психологические аспекты агрессивного поведения несовершеннолетних правонарушителей в условиях изоляции. Автореф... канд. психол. наук. Рязань, 2003. С. 12.

дела на практике сложно. Полагаем, что обязательному учету должны подлежать лишь социально и юридически значимые свойства, то есть те, которые определяют структуру и направленность личности, характеризуют ее мировоззрение, общий уровень развития, интересы, потребности, систему задач, мотивов и целей, которые способны повлиять на ее поведение.

Система правосудия в отношении несовершеннолетних должна быть направлена в первую очередь на обеспечение того, чтобы любые меры воздействия на несовершеннолетних правонарушителей были всегда соизмеримы как с особенностями личности правонарушителя, так и с обстоятельствами правонарушения. А объектом непосредственного исследования суда при решении вопроса о наказании несовершеннолетнего должна быть личность преступника в криминологическом ее понимании, более широком, нежели уголовно-правовое понятие «субъект преступления». При этом особенности личности должны быть учтены судом не только в ретроспективном плане — в разрезе уже совершенного преступления, но и в прогностическом — с точки зрения эффективности наказания и возможности предупреждения совершения преступлений в будущем. Установить это весьма сложно. Для изучения указанных выше свойств личности необходима определенная система. Именно такой комплексный подход к личности несовершеннолетнего виновного позволит определить меры наиболее эффективного воздействия на преступника.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Геннадьев Ю. Д. Понятие личности преступника // Государство и право. 2017. № 8. С. 101.
2. Грачева М. Л., Мальцев С. А., Дрозд Е. Д. Классификация и типология личности преступника в криминологии // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации: сб. статей XIII Международной научно-практической конференции / Под ред. Г. Ю. Гуляева. Пенза, 2018.
3. Емельянов Д. В. К вопросу об особенностях установления и исследования обстоятельств, характеризующих личность подсудимого, в ходе судебного разбирательства // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 3. С. 67–75.
4. Корягина С. А. Особенности ранней профилактики девиантного поведения несовершеннолетних // Российский следователь. 2008. № 12.
5. Косенко А. А. Преступная девиантность несовершеннолетних и ее профилактика (теоретические и практические аспекты). Волгоград, 2003.
6. Кургузкина Е. Б. Теория личности преступника и проблемы индивидуальной профилактики преступлений. Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2003.
7. Петрова А. Б. Психологические аспекты агрессивного поведения несовершеннолетних правонарушителей в условиях изоляции. Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Рязань, 2003.
8. Семенюк Л. М. Хрестоматия по возрастной психологии: учебное пособие для студентов / Под ред. Д. И. Фельдштейна: изд. 2-е, доп. М.: Институт практической психологии, 1996.

Arefinkina Ye. G.,

*Cand. of Legal Sciences, Docent, Head of the Criminal Law and Process Department,
Sochi Institute (branch) of the Russian University of Peoples' Friendship, Sochi, Russia*

THE JUVENILE DEFENDANT'S IDENTITY IN THE CRIMINAL LEGISLATION OF RUSSIA

In practice, regarding the investigation of the juvenile defendant's identity, there are many issues of a problematic nature that require their resolution. The article analyzes the main problems associated with the study of the juvenile defendant's personality. The ways of their solution are suggested.

Key words: court; criminal's identity; data characterizing the person; circumstances to be established; juvenile.

УДК 340.5

DOI 10.55346/27825647_2022_4_22

Гражданкина Л. А.,

магистрант, Сочинский филиал ВГУЮ (РПА Минюста России),
г. Сочи, Россия

© 2022

Дата приема:
28.04.2022

Научный руководитель: **Димитрова Е. А.,**

доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Сочинский филиал ВГУЮ (РПА Минюста России),
к. ю. н., доцент, г. Сочи, Россия

ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК СРЕДСТВО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ НЕОСТОРОЖНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

В данной статье рассмотрен анализ государственно-правовой политики Российской Федерации по вопросам правового воспитания населения как один из механизмов предотвращения неосторожной преступности. Актуальность исследования государственной политики РФ в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан неоспорима, ведь отсутствие должного уровня правосознания и правовой культуры населения оказывают неоднозначное влияние на развитие государственно-правового формирования, что отклоняет или замедляет динамичный процесс этого развития. Рассмотрены цели и задачи правовой политики РФ в сфере правового воспитания, а также проведен анализ развития правовой культуры как результат правового обучения и воспитания в современной России.

Ключевые слова: предупреждение преступности; неосторожная преступность; правосознание; правовое воспитание; правовое образование; правовое обучение; правовое информирование; правомерное поведение.

Динамика преступности в Российской Федерации в последние годы отражает некоторую стабилизацию социально-экономических и политических процессов. Анализ статистических сведений о состоянии преступности за 2021 год свидетельствует о снижении общего количества зарегистрированных криминальных деяний (на 1,9% по сравнению с 2020 годом¹).

На сегодняшний день в уголовной статистике МВД России не предусмотрен специальный раздел, рассматривающий неосторожную преступность отдельно. Традиционно этому виду преступности уделяется меньше внимания, ведь принято считать, что удельный вес неосторожных преступлений весьма невысок в сравнении с общим числом совершенных преступлений, — всего 10–15%, поэтому признается наименее опасным. С другой стороны, действительный вред от нео-

¹ Статистические данные МВД РФ // URL: <https://мвд.рф/reports/item/27024130>.

сторожных и легкомысленных поступков чаще всего является очень высоким, а в условиях современных реалий продолжает возрастать.

Основополагающим признаком неосторожных преступлений является вина как уголовно-правовая характеристика. Ключевыми же понятиями в определении и установлении неосторожности выступают легкомыслие и небрежность (ст. 26 УК РФ) [2]. В этом аспекте преступности недостаточный уровень правового образования представляет собой первопричину совершения общественно опасных деяний.

Наряду с иными условиями предупреждения преступности, серьезное значение имеет информационно-правовое обеспечение общественных отношений. Усовершенствование экономических и социальных отношений, научных и культурных аспектов, производства и техники напрямую зависят от уровня властного управления и правовой обстановки в целом. Бесспорно, что на различных исторических этапах правовые знания передавались из поколения в поколение в различных формах. Распространение этих знаний представляет собой важный аспект правового просвещения, что также включает в себя формирование установок и представлений о правовом поведении, формирование устойчивой потребности в применении и использовании правовых знаний в целях эффективной социализации, профилактика преступлений, в том числе и неосторожных [7, с. 12]. Это обоснованно считается существенным моментом, поскольку часто неосторожные преступления совершаются как раз вследствие отсутствия правовых знаний.

Именно правовое воспитание представляет собой основу развития правовой системы. При рассмотрении такого понятия, как правовое воспитание, различные ученые-юристы трактуют его по-разному. Можно говорить, что правовое воспитание представляет собой целенаправленную деятельность государства и его различных органов по передаче юридического опыта (А. В. Малько, Н. И. Матузова) или что это многогранный процесс формирования правовой культуры и правосознания под влиянием самых различных факторов (В. К. Бабаев, В. М. Баранов, В. А. Толстик) [6, с. 17]. Однако, несмотря на различные варианты дефиниций, все авторы сходятся в одном — любое правовое воспитание должно быть обусловлено систематизированным и целенаправленным подходом и включать в себя определенные принципы и инструменты.

Нравственный и правовой кризис граждан в силу сложившегося исторического пути нашей страны, противоречивость правовых систем СССР и современной Российской Федерации сформировали двойственное отношение населения к общим социально-правовым ценностям. При таких условиях требуется разработка четкой концепции формирования правовой культуры общества. По этим причинам государство, как социально-правовой институт, ставит перед собой важную задачу в этой сфере для воспитания правосознания у населения.

С вышеуказанной целью впервые в истории современной России в апреле 2011 года Президентом Российской Федерации в качестве приоритетной цели государственной политики были утверждены Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосоз-

знания, в которых были определены принципы, цели, основные направления и содержание государственной политики в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан. Государственная политика проводится одновременно с комплексом мер по совершенствованию законодательства Российской Федерации и практики его применения, повышению эффективности государственного и муниципального управления, правоохранительной деятельности, пресечению коррупции и подмены в бюрократических интересах демократических целей и задач [4].

На законодательном уровне формулируются основные цели, которые включают в себя формирование в обществе устойчивого уважения к закону, внедрение в сознание граждан идеи о качественном выполнении обязанностей и соблюдении правовых норм. Кроме того, рассматривается идея создания системы стимулов к законопослушанию как основная модель социального поведения. Важнейшей задачей государства является также пропаганда и разъяснение необходимости соблюдения гражданами своих обязанностей, правил общежития, уважения прав и законных интересов других лиц независимо от расы, национальности, языка, отношения к религии, убеждений и других обстоятельств.

На сегодняшний день современная Россия закрепляет комплексный подход к вопросу повышения общеправовой культуры населения путем внедрения правовых идей с детства, что позволит сформировать привычки поведения в точном соответствии с правовыми нормами, минимизируя проявления легкомыслия и небрежности при совершении определенных деяний, а также возможность предвидения наступления общественно опасных последствий.

Состояние правовой жизни общества, находящегося на высоком правовом уровне, представляет собой сформированное правосознание каждого гражданина; оно выражается в формировании уважительного отношения к праву. Согласно Конституции РФ, Российская Федерация признана правовым и демократическим государством [1]. В связи с этим государство ставит перед собой отдельные задачи по вопросам качественного достижения согласованности юридических норм, которые регулируют все сферы жизнедеятельности общества.

Благодаря комплексной работе на сегодняшний день государственные структуры обладают необходимым инструментарием для эффективного повышения правовой образованности населения. Так как формы правового воспитания не выражаются в каком-то одном определенном аспекте, возможно применение различных способов и методов правового информирования граждан. Согласно теории, к формам правового воспитания относится, в том числе, правовое обучение [6, с. 17]. Сегодня во всех общеобразовательных учреждениях в обязательную учебную программу входит курс «Обществознание». Данная дисциплина состоит из нескольких модулей: «Человек и общество», «Экономика», «Социальные отношения», «Политика» и, безусловно, «Правовая система». В рамках модуля правовой системы школьники знакомятся с основными правовыми понятиями, изучают Конституцию Российской Федерации и другие нормативно-правовые акты, действующие на территории нашей страны. В свою очередь в муниципальных государственных учреждениях проводятся тематические занятия с детьми по

изучению правил дорожного движения, ведь пешеходы являются неотъемлемыми участниками дорожного движения. Такие уроки призваны сформировать мнение о важности проблемы безопасности пешеходов на дорогах для уменьшения нарушений правил дорожного движения. Такие мероприятия, равно как и социальная реклама, различные акции и тематические выставки представляют собой основу в вопросах профилактики преступлений, предусмотренных ст. 268 УК РФ [2].

Далее в высших учебных заведениях представлен курс общего права в качестве обязательной учебной дисциплины вне зависимости от выбора профиля подготовки студента. Другими словами, на протяжении всего учебного процесса молодое поколение нашей страны изучает базовые устои правовой системы. Это позволяет сформировать знание и понимание правовой системы: школьники и студенты изучают свои конституционные права и обязанности, знакомятся с содержанием действующих в нашей стране кодексов. Таким образом закладываются мировоззренческие основы правового мышления, частично устраняются юридические пробелы в трактовке тех или иных норм. Знание своих прав и способов их отстаивания представляет собой базовое условие для требования более тщательного и детального выполнения обязанностей должностными лицами по отношению к гражданам, а также профилактики халатности (ст. 293 УК РФ) [2].

Однако остаются открытыми вопросы качества преподавания и усвоения материала, ведь количество часов, выделенных на изучение довольно обширной и важной темы учебными программами, явно недостаточно. Также можно говорить о том, что юридическая действительность меняется довольно быстро и разнотемно, в связи с этим сведений, которые получают учащиеся, недостаточно для усвоения их сознанием текущих изменений в законодательстве.

В качестве второй формы правового воспитания в рамках государственной политики Российской Федерации можно говорить о формировании правовой пропаганды, т.е. распространении различных правовых идей и убеждений посредством средств массовой информации, телевидения, радиовещания, сети Интернет, а также за счет различных государственных и общественных структур на печатных носителях. Государство напрямую зависит от заинтересованных и законопослушных граждан, знающих свои права и обязанности. На сегодняшний день существуют различные национальные программы, в рамках которых правительство информирует население о правовых аспектах и ситуациях, которые случаются ежедневно, разъясняются нормы законов об основных гарантиях прав гражданина, а также правила безопасности.

Последствия бытовой виновной неосторожности сосредотачиваются по месту жительства или отдыха граждан и связаны с пренебрежительным отношением к правилам поведения в быту или правилам безопасности. Согласно статистическим данным МЧС России, две трети природных пожаров в Российской Федерации в 2020 году произошли именно по причине неосторожного обращения с огнем ¹. Поэтому в рамках борьбы с пожарами, а также в рамках программы повышения уровня правосознания населения ведется разработка

¹ Статистические данные МЧС РФ // URL: <https://39.mchs.gov.ru/uploads/resource/2020-11-01/11-statisticheskie-dannye>.

информационных ресурсов, содержащих информацию о правилах безопасного поведения во время отдыха на природе, и их размещение на сайтах администраций города или на портале государственных услуг, особенно в пожароопасные периоды.

Однако статистика все равно неутешительна: в 2020 год неосторожное обращение с огнем стало причиной 72,94% пожаров, в 2021 году — 70,74%¹. Это свидетельствует о том, что большинство граждан нашей страны не осознает всей степени общественной опасности от совершаемых ими небрежных действий.

В некоторых субъектах Федерации правовое просвещение осуществляется путем трансляции социальной видеорекламы в общественном транспорте, которая в доходчивой (часто анимационной) форме разъясняет юным гражданам и взрослым базовые правовые элементы и технику безопасности в различных ситуациях. Это позволяет сформировать базис правовой культуры у граждан.

Представляется, что таким же образом можно демонстрировать видеоролики, направленные на информирование граждан об основных юридических аспектах, размещая краткие юридические инструкции-памятки об алгоритмах действий в определенных жизненных ситуациях (например: как правильно вступить в наследство, какие действия необходимо предпринять при потере документов и т. д.) не только в общественном транспорте, но и на федеральных ТВ-каналах в качестве социальной рекламы. С экономической точки зрения возможен периодический пакетный прокат видеоматериалов познавательного характера (по аналогии с демонстрацией агитационных роликов политических партий перед выборами)². Ведь неоспорим тот факт, что СМИ из всех субъектов распространения правовых знаний имеют наибольшее воздействие на общественное сознание.

В рамках развития правового воспитания Государственной Думой Российской Федерации 2 ноября 2011 года был принят Федеральный закон «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации».

Согласно данному закону, любой гражданин РФ вправе обратиться для получения правового консультирования, а также для помощи в составлении заявлений, жалоб и других документов правового характера. Кроме того, предусмотрено представление интересов гражданина в судах, предоставление бесплатной помощи адвокатами [3].

Юридические клиники создаются на базе юридических факультетов высших учебных заведений. При таком подходе эффективно решаются сразу две задачи: студенты-юристы нарабатывают квалификацию, оказывая консультации для населения и тем самым повышая свой профессиональный уровень в теоретической части и получая практический опыт, а население получает свободный доступ к услугам специалистов-юристов. Также зачастую в интернет-пространстве юриди-

¹ Статистические данные МЧС РФ // URL: <https://39.mchs.gov.ru/uploads/resource/2021-11-01/11-statisticheskie-dannye>.

² Для проведения предвыборных дебатов и показа агитационных роликов партий, участвующих в выборах в Госдуму в 2021 году, ЦИК утвердил график бесплатного эфирного времени. (прим. автора) ТАСС/Сайт. — Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/12171501>. Загл. с экрана.

ческие клиники создают свои собственные сайты, на которых размещают актуальную утилитарную информацию из области юриспруденции.

На территории Российской Федерации в рамках общегосударственного тренда на развитие правовой культуры создаются негосударственные центры бесплатной юридической помощи, которые образуются на профессиональной основе; к деятельности в таких организациях привлекаются исключительно специалисты правовой сферы [5].

Минюстом России ежеквартально проводятся дни бесплатно юридической помощи. Подобные мероприятия позволяют объединениям юристов-профессионалов в юридических клиниках развивать также и социальную ответственность.

Заметим: для получения более высоких результатов в деле правового воспитания населения не стоит ограничиваться только лишь общеобразовательными учреждениями, социально-правовыми роликами или информационно-познавательными брошюрами — требуется ведение системной работы, охватывающей также и борьбу с правовым нигилизмом в различных сферах общественной жизни. Должен быть выработан механизм прозрачного принятия нормативно-правовых актов с привлечением широких кругов общественности к обсуждению острых и злободневных вопросов.

Констатируем: на современном этапе проделана немалая работа в сфере правового просвещения, однако вследствие отсутствия прозрачного и эффективно-го механизма по устранению пробелов в социальной правовой культуре уровень юридической образованности у населения все еще крайне низок, что, в том числе, определяет и значительный объем неосторожной преступности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 27.12.2019) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25.
3. О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 321-ФЗ. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
4. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан: утв. Приказом Президента РФ № Пр-1168 от 28 апреля 2011 г. // Российская газета. № 151. 14.07.2011.
5. Комментарий к Федеральному закону от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» // Подготовлен для СПС «КонсультантПлюс».
6. Новикова Л. И. Актуальные вопросы методики правового воспитания и обучения: Учебно-методическое пособие. М.: РГУП, 2017.
7. Правовая политика России на современном этапе: учебное пособие / Ю. К. Краснов; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (у-нт) МИД России. М.: Прометей. 2019.

Grazhdankina L. A.,

*Master's student, Sochi branch of All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia), Sochi, Russia*

Academic Supervisor: Dimitrova E. A.,

*Cand. of Legal Sciences, Assoc. Prof., Sochi branch of
All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Sochi, Russia*

LEGAL EDUCATION AS A MEANS OF PREVENTING RECKLESS CRIMINALITY

This article examines the analysis of the state and legal policy of the Russian Federation on the issues of legal education of the population as one of the mechanisms for preventing reckless crime. The relevance of the study of the state policy of the Russian Federation in the development of legal literacy and legal awareness of citizens is undeniable, because the lack of a proper level of legal awareness and legal culture of the population has an ambiguous effect on the development of state legal formation, which rejects or slows down the dynamic process of this development. The goals and objectives of the legal policy of the Russian Federation in the field of legal education are considered, as well as the analysis of the development of legal culture as a result of legal education and upbringing in modern Russia is carried out.

Key words: crime admonition; reckless criminality; legal consciousness; legal education, legal training; legal information; lawful behavior.

УДК 343.16

DOI 10.55346/27825647_2022_4_29

Яковлев-Чернышев В. А.,

студент, Сочинский филиал ВГУЮ (РПА Минюста России),
г. Сочи, Россия

© 2022

Дата приема:
28.04.2022

Научный руководитель: Ратьков А. Н.,

доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Сочинский филиал ВГУЮ (РПА Минюста России),
к. ю. н., доцент, г. Сочи, Россия

ОБ ИНСТИТУТЕ СЛЕДСТВЕННОГО СУДЬИ ЛИБО СУДЕБНОГО СЛЕДОВАТЕЛЯ

В статье предпринимается попытка проанализировать имеющиеся в юридической литературе мнения различных ученых о перспективах создания в рамках российского уголовного процесса института следственного судьи. Приводятся точки зрения как сторонников данной идеи, так и ее противников. Формулируется авторская позиция относительно целесообразности данного института в контексте современного отечественного уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: судебный следователь; следственный судья; прокурор; процессуальный статус; досудебное производство.

Название данной статьи сформулировано именно таким образом не случайно. Когда с высоких трибун прозвучали предложения о введении в отечественный уголовный процесс института следственных судей (сама по себе идея введения данного института не нова), некоторые правоведы констатировали факт его возрождения [1]. Однако так считать неправильно, так как в Российской империи в уставе уголовного судопроизводства существовала фигура судебного следователя, а не следственного судьи. При этом, как представляется, институт следственных судей (по крайней мере, в ближайшей перспективе) не будет введен, что подтверждается высказыванием Президента РФ о том, что данный институт — не панацея от проблем [2]. В то же время актуальность изучения возможности его применения в уголовном судопроизводстве сохраняется, поскольку по-прежнему продолжают дискуссии о путях реформирования стадии предварительного расследования.

С самого начала обсуждения предполагаемого нововведения высказывались различные оценки по поводу целесообразности института следственных судей. Высказался по этому поводу и Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин, который отметил, что данный институт мог бы помочь «в решении системных проблем, таких как: нарушение разумных сроков судопроизводства в части предварительного расследования; чрезмерная длительность содержания

под стражей; неэффективность судебной проверки действий (бездействия) органов предварительного расследования в порядке ст. 125 УПК РФ; нарушение права потерпевшего на доступ к правосудию и защиту его интересов; злоупотребление органами уголовного преследования тайной предварительного расследования; ограничение права обвиняемого на защиту на досудебных стадиях процесса, в том числе на своевременный допуск защитника; возвращение дела судом прокурору для исправления недостатков предварительного расследования в порядке ст. 237 УПК РФ; использование результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве» [3].

Один из главных инициаторов идеи введения института следственных судей А. В. Смирнов считает, что главной целью следственного судьи является депонирование доказательств. При этом, по его мнению, некоторые действия должны быть закреплены полностью за следственным судьей (назначение судебных экспертиз только следственным судьей), он должен быть независим от показателей, обеспечить состязательность, предотвратить незаконное уголовное преследование и иметь некоторые иные полномочия [4].

Другие авторы видят в институте следственного судьи ряд преимуществ, которые выражаются в том, что:

— будет внесен определенный элемент достоверности судебных доказательств [5];

— следователь должен будет доказать в предварительном судебном заседании законность получения каждого источника информации, при этом сторона защиты получит возможность участвовать в проверке этих источников [6];

— институт следственных судей «вполне укладывается в существующую тенденцию дифференциации судебных органов» при четком разграничении компетенций [7];

— появится возможность «параллельного адвокатского расследования», что приведет к равноправию сторон [8];

— появится возможность разрешения уголовного дела по существу на досудебной стадии посредством передачи следственному судье полномочий по принятию решения о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) [9];

— данный институт приведет к совершенствованию судебного контроля [10] и, следовательно, к повышению его качества.

На первый взгляд, кажется, что фигура следственного судьи отлично бы вписалась в уголовный процесс и даже позволила бы усовершенствовать всё уголовное судопроизводство в целом. Но на деле возникает ряд вопросов, на которые указывают процессуалисты, имеющие иной взгляд на рассматриваемый институт. В частности, по их мнению:

— суд не сможет сохранять свою беспристрастность и объективность [11];

— суд при такой концепции фактически начнет проводить уголовное преследование [12];

— фигура следственного судьи очень «туманна» и исходя из опыта зарубежных стран не гарантирует того, что принцип состязательности в рамках уголовного судопроизводства будет при участии такого судьи усилен [13];

— нарушится система доказывания в уголовном судопроизводстве, поскольку нарушится принцип свободы доказательств, а также, скорее всего, пострадает способность суда полно и объективно оценить то или иное доказательство, так как полнота картины исчезнет [14];

— следователем будут утрачены его самостоятельность и независимость [15, с. 44];

— полномочия прокурора и следователя при такой концепции непонятны [15, с. 45];

— возникнет ещё большая дополнительная волокита [15, с. 46];

— эклектическое соединение в следственном судье разных полномочий не позволит добиться нужных результатов на стадии досудебного производства [16];

— данный институт может иметь тенденцию к смешению юрисдикционных и следственных полномочий в рамках одного органа [17].

Неспроста данная идея не была поддержана Следственным комитетом РФ. Так, например, известные представители Академии Следственного комитета РФ А. М. Багмет и Ю. А. Цветков скептически отнеслись к данной инициативе. Они считают, что те, кто высказывается в поддержку данного института, не до конца осознают, к каким последствиям это может привести. По их мнению, стремление ввести в отечественный уголовный процесс следственного судью — просто следование какой-то «западной процессуальной моде» [18]. При этом авторы придерживаются мнения о необходимости усиления позиций следователя как действующего участника уголовного судопроизводства.

Нельзя не увидеть и последствия введения нового участника процесса в виде смешения функций следователя, следственного судьи и прокурора. Ещё большее сокращение полномочий прокурора, — безусловно, неправильный путь (что отмечается рядом ученых [19]). Стоит отметить, что и Генеральная прокуратура вслед за Следственным комитетом не поддержала данную инициативу и выступила против [20].

Интересным представляется, что в ходе дискуссий об институте следственного судьи как следователя, так и прокуроры стремятся подчеркнуть эффективность своей работы и обосновать, почему именно им необходимо расширение полномочий. В запале некоторые ученые даже предлагают упразднить предварительное следствие [21].

На наш взгляд, российский уголовный процесс с учетом всех факторов (в том числе исторических) должен являться самодостаточным. Идея создания нового субъекта уголовного судопроизводства не вписывается в современное построение порядка расследования и судебного рассмотрения уголовных дел. Если раньше лицо, осуществлявшее расследование уголовных дел, называлось судебным следователем, так это потому, что следственный аппарат был создан внутри судебной системы, и на тот момент других следователей попросту не было. «Изобретать» сейчас ещё одного контролирующего субъекта — и не судью, и не следователя (притом, что сложилась вполне определенная система досудебного и судебного производства с конкретными субъектами), — как представляется, контрпродуктивно. Уголовный процесс в России выстроен таким образом, что контролировать его работу и исправлять возможные ошибки следователей (а особенно

дознателей!) есть кому: руководитель следственного органа и прокурор — для следователя; начальник подразделения дознания, начальник органа дознания, прокурор — для дознавателя. Суд уже имеет целый ряд обширных полномочий на досудебных стадиях уголовного процесса и справляется с ними без какого-либо дополнительного помощника в виде следственного судьи, которому планируется передача тех же самых (может быть, чуть более расширенных за счет прокурорских) полномочий.

Поэтому идея механического заимствования института, который в каких-то определенных условиях себя оправдал, не может считаться эффективной для отечественного уголовного процесса. Нынешнее понимание следственного судьи в зарубежной транскрипции и в представлениях отечественных процессуалистов, на наш взгляд, не повысит эффективность уголовного процесса. Однако считать фигуру следственного судьи вовсе бесполезной представляется не вполне верным. Если пересмотреть традиционные представления о полномочиях следственного судьи, то он может стать эффективной фигурой в уголовном судопроизводстве. Для этого необходимо создать обособленную от суда структуру, которая будет располагать полномочиями, имеющимися сейчас у суда на досудебной стадии.

Таким образом, сегодня введение института следственного судьи в уголовный процесс можно считать неоправданным, однако при определенных условиях в будущем данный субъект уголовного судопроизводства, возможно, окажется полезным и независимым участником уголовного процесса, положительно влияющим на качество предварительного расследования преступлений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Поддубняк А. А., Авдеев И. М. Возрождение института следственных судей в РФ // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2020. Т. 6 (72). № 3. С. 227–233.
2. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/sledstvennye-sudi-tak-i-ne-poyavyatsya-v-rossii> (дата обращения: 06.03.2022).
3. Зорькин В. Д. Конституция живет в законах. Резервы повышения качества российского законодательства // Журнал конституционного правосудия. 2015. №3. С. 1–5.
4. Смирнов А. В. Институт следственных судей — конституционное требование? / Уголовное судопроизводство. 2015. № 2. С. 9–14.
5. Отчерцова О. В. Введение института следственных судей: станет ли предварительное следствие более состязательным? // Российская юстиция. 2015. №8. С. 63–66.
6. Лазарева В. А. Российский следователь: судья или инквизитор? // Уголовное судопроизводство. 2018. № 4. С. 6–11.
7. Тришева А. А. Институт следственных судей — необходимое условие состязательного судопроизводства // Законность. 2009. № 7 (897). С. 2–9.
8. Смирнов А. В. О задаче реформирования предварительного расследования в уголовном процессе // Уголовное судопроизводство. 2018. № 1. С. 27–33.
9. Красильников А. В. О целесообразности формирования в российском уголовном процессе института следственных судей // Российская юстиция. 2016. №8. С. 26–28.

10. Шарифуллин Р. А., Бурганов Р. С., Бикмиев Р. Г. Проблемы и перспективы создания института следственного судьи в уголовном процессе России // Мировой судья. 2020. № 5. С. 16–21.
11. Шеховцов Ю. Н. Быть ли в России следственным судьей? // Прокурор. 2015. № 3. С. 29–34.
12. Амирбеков К. И. Концепция о функциях следственного судьи // Российская юстиция. 2015. № 5. С. 42–45.
13. Коновалов С. Г. Германский «следственный судья» в зеркале российской уголовно-процессуальной науки: факты и мифы // Закон. 2017. № 1. С. 168–179.
14. Белкин А. Р. Следственный СУДЬЯ или СЛЕДСТВЕННЫЙ судья? // Уголовное судопроизводство. 2015. № 3. С. 16–27.
15. Быков В. М., Манова Н. С. Нужен ли уголовному судопроизводству России следственный судья? // Законность. 2015. № 6 (968). С. 44–46.
16. Н. Н. Ковтун О понятии и содержании понятия «судебный следователь» («следственный судья») // Российский судья. 2010. № 5. С. 15–20.
17. Булгакова Ю. С. О создании института следственных судей // Судья. 2015. № 12 (60). С. 48–52.
18. Багмет А. М., Цветков Ю. А. Следственный судья как зеркало процессуальной революции // Российский судья. 2015. № 9. С. 21–24.
19. Т. К. Рябина. Следственный комитет или судебный следователь? // Уголовное судопроизводство. 2011. № 1. С. 17–21.
20. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/documents?item=4889509> (дата обращения: 06.03.2022).
21. Поздняков М. Л. Каким не стать Следственному комитету России к 2017 г. // Уголовное судопроизводство. 2014. № 1. С. 20–24.

Yakovlev-Chernyshev V. A.,
*student, Sochi branch of the All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia), Sochi, Russia*

Academic Supervisor: Ratkov A. N.,
*Cand. of Legal Sciences, Assoc. Prof. of the Criminal Law Department, Docent,
Sochi branch of the All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia), Sochi, Russia*

ON THE INSTITUTION OF AN INVESTIGATING JUDGE OR COURT INVESTIGATOR

In the article there is an attempt to analyze the opinions of various scholars found in legal literature on the creation of the institution of investigative judge in the criminal process of Russia. Views of both supporters of the idea and its opponents are given. Our own opinion on the appropriateness of this institution in modern Russian criminal proceedings is formulated.

Key words: court investigator; investigating judge; prosecutor; procedural status; pre-trial proceedings.

УДК 343.988

DOI 10.55346/27825647_2022_4_34

Зейтунян Э. С.,

магистрант, Сочинский филиал ВГУЮ (РПА Минюста России),
г. Сочи, Россия

© 2022

Дата приема:
24.05.2022

Научный руководитель: Пильников С. Г.,
зав. кафедрой уголовно-правовых дисциплин,
Сочинский филиал ВГУЮ (РПА Минюста России),
к. ю. н., доцент, г. Сочи, Россия

СОСТОЯНИЕ ВИКТИМИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В статье автор исследует состояние виктимизации населения в Российской Федерации на основании статистических данных, опубликованных МВД РФ. Автором проанализированы некоторые существующие в научном сообществе точки зрения на предпосылки виктимизации отдельных категорий населения России, в том числе с учетом их проекции на динамику криминогенно-виктимогенной ситуации.

Ключевые слова: принципы криминологической виктимологии; виктимность; виктимизация населения; преступление; потерпевший.

Как показывает международная практика, исследование вопросов виктимизации населения позволяет выявить реальные масштабы преступности, ее латентную часть; проанализировать текущее состояние криминальной ситуации; выработать адекватные меры для борьбы с преступностью и оказать противодействие уголовной виктимизации населения.

МВД России ежегодно регистрирует более 2 млн потерпевших при аналогичных показателях регистрации преступлений [1]. В докладе Генерального прокурора России в 2021 г. отмечалось, что количество совершенных преступлений в 1,5 раза превышает зарегистрированные преступления [2], а это означает, что потерпевших значительно больше, но, если к этим данным присовокупить различные аферы в банковской, строительной, потребительской сферах, то потерпевшими могут оказаться десятки миллионов граждан.

Исследования свидетельствуют о том, что для снижения уровня виктимизации населения недостаточно воздействовать только на процессы криминализации преступника. Значительным эффектом обладают меры, направленные на факторы, ведущие к виктимизации потенциальных потерпевших. Такое предупредительное воздействие, которое зачастую связано с мерами, предпринимаемыми самими потенциальными жертвами для того, чтобы не превратиться в реальных потерпевших, весьма эффективно.

Важно отметить, что общая криминогенная обстановка в городах зависит от большого количества различных факторов: концентрации различных групп населения (по национальному, возрастному и иным признакам) в пределах конкретных агломераций; от состояния и уровня миграции населения (вида миграции, ее интенсивности, качества и скорости адаптации и ассимиляции приезжих граждан) и т. д.

Так, во многих, особенно в крупных российских городах сегодня формируются целые районы, в которых могут проживать отдельные категории населения с особыми характеристиками (национальными или по уровню состоятельности).

Интересным и перспективным представляется общий вывод, приведенный С. Смит о различии абсолютной и относительной виктимизации населения. Первую автор связывает с объективными факторами (географическими параметрами, социальной и половозрастной структурой населения того или иного района города), вторую — с субъективными факторами, — прежде всего, с индивидуальными особенностями поведения личности (неосторожность, легкомыслие, доверчивость и т. п.). При проведении предупредительной деятельности следует прежде всего ориентироваться на нивелирование объективных факторов, так как только они могут стать реальными целями социальной макрополитики [3, с. 400].

Научная задача виктимологической характеристики потерпевших, причем не только физических, но и юридических лиц, чрезвычайно актуальна в последнее время. Об этом свидетельствуют работы А. В. Евсеева, И. Н. Чупис и Е. А. Храмова [4, с. 17], А. В. Евсеева и О. В. Радимушкиной [5, с. 14], П. А. Кабанова [6, с. 9] и др.

Анализ статистических данных криминальной виктимизации населения в Российской Федерации за последние пять лет свидетельствует о тренде на снижение количества потерпевших. Кроме того, согласно данным МВД РФ, в период с 2015 по 2020 г. существенно снизилось число потерпевших юридических лиц (а в 2017 г. число жертв среди юридических лиц достигало статистического минимума (–19,1%) от показателя 2010 г.) [1]. Однако сложившаяся в стране социально-экономическая ситуация дает основания предположить, что по итогам 2022 г. незначительно, но все же возрастет общее количество этого типа преступлений. Об этом говорят данные за январь-март 2022 г. В соответствии с официальной информацией на территории России зарегистрировано на 8511 преступлений больше (+1,4%), чем за тот же период прошлого года [1]. Негативная тенденция наблюдается и в количестве потерпевших за январь-март 2022 г. — показатель вырос на 1,2%, незначительное увеличение имеет место и в отношении юридических лиц (на 1,7%) [1]. Эта ситуация не может не беспокоить, так как она представляет собой прямую общественную опасность и связана с общим состоянием инвестиционного климата в стране, а также безопасностью государства в целом. В частности, в связи с отсутствием уголовной ответственности юридических лиц за совершение преступлений, ослаблением контрольно-надзорных функций со стороны государственных органов и активным использованием мошеннических схем, основанных на IT-технологиях, думается, следует ожидать роста числа жертв в сфере экономических преступлений и преступлений против собственности.

Подводя итог, отметим, что на феномен криминализации и виктимизации населения влияют как непосредственные, так и опосредованные криминолого-

виктимологические факторы (политические, экономические, идеологические, правовые, культурные, технологические). Опережающий анализ развития криминальной ситуации и виктимизации в стране позволяет своевременно определить цели и задачи противодействия преступности, векторы профилактических мероприятий; помогают установить приоритетные направления предупредительной деятельности на государственном уровне, а также оптимизировать использование сил и средств правоохранительными органами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Министерство Внутренних дел Российской Федерации. Официальный сайт // URL: [https://xn -- b1aew.xn -- p1ai/reports/item/22678184](https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/22678184) (дата обращения: 08.04.2022).
2. Ежегодный доклад генпрокурора РФ Совету федерации // URL: <https://rg.ru/2021/04/25/igor-krasnov-dolozhil-senatoram-o-sostoianii-prestupnosti-v-strane.html> (дата обращения: 08.04.2022).
3. Smith S. J. Victimisation in the inner City // Brit. J. Criminol. Vol. 22. 1982. № 2. P. 399–401.
4. Евсеев А. В. Приоритеты виктимологической профилактики преступности / А. В. Евсеев, И. Н. Чупис, Е. А. Храмов // Виктимология. 2019. № 2 (20). С. 15–21.
5. Евсеев А. В. Криминологическая характеристика и тенденции криминальной виктимизации в Российской Федерации / А. В. Евсеев, О. В. Радимушкина // Виктимология. 2018. № 1 (15). С. 13–24.
6. Кабанов П. А. Виктимологическое измерение последствий современной российской преступности: криминологический анализ официальной статистики 2009–2016 гг. / П. А. Кабанов // Виктимология преступности. 2017. № 2 (12). С. 5–23.

E. S. Zeitunyan,

1st year Master's student of the Correspondence Department, Sochi Branch of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Sochi, Russia

Academic Supervisor: *S. G. Pilnikov, Cand. of Legal Sciences, Assoc. Prof., Head of the Department of Criminal Law Disciplines, Sochi Branch of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Sochi, Russia*

THE STATE OF VICTIMIZATION OF THE POPULATION IN THE RUSSIAN FEDERATION AT THE PRESENT STAGE

In the article, the author examines the state of victimization of the population in the Russian Federation on the basis of statistical data of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The author also analyzes some existing points of view in the scientific community on the prerequisites for victimization of certain categories of the population, including the projection of their reflection in the development of the criminogenic-victimogenic situation in our country.

Key words: criminological victimology; victimization; victimization of the population; crime, victim.

УДК 343.13

DOI 10.55346/27825647_2022_4_37

Мазур Ю. А.,

*студентка, Сочинский филиал ВГУЮ (РПА Минюста России),
г. Сочи, Россия*

© 2022

*Дата приема:
28.04.2022*

Научный руководитель: Ратьков А. Н.,

*доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Сочинский филиал ВГУЮ (РПА Минюста России),
к. ю. н., доцент, г. Сочи, Россия*

МЕСТО ЛИ ПЛАНИРУЕМОМУ НОВОМУ ВИДУ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В ВИДЕ УГОЛОВНОГО ПРОСТУПКА В СИСТЕМЕ КАТЕГОРИЙ ПРЕСТУПЛЕНИЯ?

Автор статьи обосновывает вывод о нецелесообразности введения в настоящее время в уголовное законодательство такой категории, как уголовный проступок, поскольку российский уголовный закон в отличие от зарубежного имеет четкую градацию общественно опасных деяний. Путем разделения преступлений на категории уже учтены разные характер и степень общественной опасности деяния, в соответствии с этим предусмотрены различные правовые последствия, которые соотносятся с категорией совершенного преступления.

Ключевые слова: *проступок; преступление; категории; классификация преступлений; общественная опасность.*

Как известно, в январе 2017 года Верховным Судом РФ в Госдуму РФ внесен проект закона о введении в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство понятия уголовного проступка [1]. Однако этот проект был снят с рассмотрения в связи с отрицательным отзывом на него Правительства РФ [2]. Верховный Суд РФ, тем не менее, в октябре 2020 г. вновь внес на рассмотрение Госдумы РФ новый вариант аналогичного законопроекта [3]. Его основные положения приведены ниже.

Первое — предлагается изменить существующую категоризацию преступлений и ввести в неё «подкатеорию» уголовных проступков, к которым отнести:

а) впервые совершенные преступления небольшой тяжести, не предусматривающие наказания в виде лишения свободы (за исключением небольшого круга отдельно выделяемых преступлений);

б) впервые совершенные преступления небольшой или средней тяжести, посягающие на собственность или отношения в сфере экономической деятельности (приводится перечень конкретных преступлений, предусмотренных 28 статьями УК РФ).

Второе — предписывается обязательное и безусловное освобождение от уголовной ответственности в случае совершения уголовного проступка с применением таких иных мер уголовно-правового характера, как судебный штраф, общественные работы и ограниченно оплачиваемые работы. При этом положительное посткриминальное поведение не требуется вообще, а возмещение причиненного ущерба необходимо лишь при совершении небольшого числа преступлений, перечень которых приводится в законопроекте.

Основная причина введения категории «уголовный проступок» в отечественное право сформулирована в пояснительной записке к законопроекту: необходимость дальнейших мер по гуманизации уголовного законодательства. Однако уже после первой попытки имплементации этого нововведения ряд ведущих отечественных юристов в сфере уголовного права назвали истинные причины такой инициативы высшей судебной инстанции. Так, А. Наумов [4, с. 93–97] и Н. Лопашенко [4, с. 92] одним из основных мотивов предполагаемой очередной перекройки института категоризации преступлений называют стремление сократить в стране «тюремное население»¹ и добиться снижения прослойки судимых граждан. А. Коробеев и А. Ширшов указывают на очевидные, по их мнению, причины: с помощью категории уголовного проступка «можно не только «разгрузить» пенитенциарную систему, уменьшив в ней тюремное население, упростить уголовное судопроизводство, сэкономить материальные и временные затраты на расследование и судебное рассмотрение этих категорий дел, но и дестигматизировать весьма значительное число граждан, сняв с них клеймо «преступник» [4, с. 69]. Стремлением снизить непомерную нагрузку на судебную систему объясняет настойчивость Верховного Суда РФ в исследуемом вопросе и О. С. Капинус [5, с. 26].

Нецелесообразность предлагаемых изменений обосновывалась представителями юридической науки как ранее, так и теперь, после нового законопроекта. Проанализировав имеющиеся суждения ученых, можно выделить, как представляется, основные позиции:

1. При четком разделении в отечественном праве публичных правонарушений на административные и уголовные нет никаких оснований «изобретать» новую категорию, потому что всё, что не является преступлением, но обладает общественной опасностью, охватывается понятием деяние и является административным правонарушением.

2. Сложившаяся в России четырехзвенная категоризация преступлений вполне достаточна для надлежащей дифференциации уголовной ответственности. «Переименование впервые совершенных преступлений небольшой и средней тяжести в уголовный проступок выглядит избыточной терминологической новацией, под прикрытием которой планируется изменить механизм уголовно-правового воздействия на преступные деяния, не представляющие значительной опасности, и упростить процессуальную деятельность суда по соответствующим уголовным делам» [5, с. 26–27].

¹ Под «тюремным населением» понимаются лица, содержащиеся под стражей в следственных изоляторах и отбывающие наказание в виде лишения свободы в исправительных учреждениях.

3. Императивное указание в законе на применение иных мер уголовно-правового характера в случае совершения уголовного проступка без условия позитивных посткриминальных действий и заглаживания виновным вреда искажает смысл и функциональное предназначение института освобождения от уголовной ответственности, поскольку не стимулирует правопослушное поведение [6, с. 15–16].

4. Поскольку планируется при совершении уголовного проступка автоматически применять иные меры уголовно-правового характера, то можно констатировать, что эти деяния лишены признака уголовной наказуемости и, следовательно, преступлениями быть не могут.

То есть, вышесказанное позволяет видеть выход при достижении целей гуманизации уголовного законодательства не в дроблении устоявшейся системы категоризации преступлений, а в декриминализации тех деяний, которые планируется перевести в уголовный проступок, и включении их в Кодекс об административных правонарушениях. Профессор Л. В. Головкин ещё после презентации первого законопроекта Верховного Суда РФ замечал, что на его предложение, скорее всего, повлияла американская практика так называемых «мелких мисдиминоров», не предусматривающих лишения свободы. «У нас уже есть категория административных правонарушений, — раскрывал он глаза сторонникам нововведения, — которые, собственно, охватывают вот эти мисдиминоры. В США просто применяются другие конструкции, так как там нет категории административных правонарушений. Более того, у нас есть эффективная категоризация преступлений, которой в США также нет» [7, с. 23]. Этим высказыванием известного российского юриста и хочется завершить краткое рассмотрение этой весьма сложной юридической проблемы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.01.2017 № 42 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка”» // URL: www.vsrfl.ru (дата обращения: 12.04.2022).
2. Официальный отзыв Правительства Российской Федерации на проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка», вносимый в Государственную Думу Верховным Судом Российской Федерации от 24 июля 2018 г. № 5690 п-П4 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.04.2022).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 г. № 24 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка”» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.04.2022).

4. Материалы научно-практической конференции «Уголовное и уголовно-процессуальное законодательство России: основные проблемы применения и направления совершенствования» // Уголовное право. 2017. № 4. С. 2–144.
5. Капинус О. С. Законодательные инициативы о регламентации в Уголовном кодексе РФ уголовного проступка: критический анализ // Российская юстиция. 2021. № 3. С. 25–29.
6. Освобождение от уголовной ответственности: теория, закон, практика / Под ред. Ю. Е. Пудовочкина. М.: РГУП, 2021.
7. Головки Л. В. Поправки в УПК в помощь адвокатам совершенно оторваны от реальности // Уголовный процесс. 2018. № 2. С. 20–30.

Mazur Y. A.,

*student, Sochi branch of the All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia), Sochi, Russia*

Academic Supervisor: Ratkov A. N.,

*Cand. of Legal Sciences, Assoc. Prof. of the Criminal Law Department, Docent,
Sochi branch of the All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia), Sochi, Russia*

IS THE PLACE OF THE PROPOSED NEW TYPE OF CRIMINAL OFFENCE
IN THE SYSTEM OF CRIME CATEGORIES?

The author in this brief scientific study substantiates the conclusion that it is not advisable to introduce the category of criminal offense into the criminal legislation at the present time due to the fact that Russian criminal law unlike foreign law has a clear gradation of socially dangerous acts. By categorizing crimes, different nature and degree of social danger of the act have been taken into account, and various legal consequences are provided which correspond to the category of the crime committed.

Key words: misconduct, crime, categories, classification of crimes, public danger.

УДК 343.9

DOI 10.55346/27825647_2022_4_41

Ивнева Е. В.,

зав. кафедрой гражданского права и уголовного права и процесса,
Сочинский государственный университет,
к. ю. н., доцент, г. Сочи, Россия

© 2022

Дата приема:
16.05.2022

Найденых Ю. В.,

старший преподаватель кафедры гражданского права
и уголовного права и процесса, Сочинский государственный
университет, начальник ЭКО УВД по г. Сочи ГУ МВД России
по Краснодарскому краю, полковник полиции, г. Сочи, Россия

К ВОПРОСУ О ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ МЕРАХ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ НАСИЛЬСТВЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ (на примере Краснодарского края)

Статья посвящена оценке уровня насильственной преступности в современной России. Авторы анализируют природу этого явления и тенденции его развития. Кроме того, в исследовании рассматриваются пути дальнейшего совершенствования борьбы с данным видом преступности, а также меры, направленные на его предупреждение, на примере Краснодарского края. В научной работе приводится ряд предложений и рекомендаций, касающихся предупреждения насильственной преступности.

Ключевые слова: преступность; насилие; профилактика; предупреждение.

Предупреждение преступности включает в себя комплекс любых действий, которые способствуют снижению уровня преступности и его масштабов как негативного социального явления. Такие действия осуществляются всеми субъектами социально-политической системы государства, которые тем или иным образом могут оказать превентивное нивелирующее воздействие на преступность, — политиками, правоохранительными органами, судебной системой, социальными службами, системой образования, структурами гражданского общества, хозяйствующими субъектами, научной общественностью, представителями социума — лидерами общественного мнения, при обязательной поддержке СМИ. Очевидно — указанные предупредительные меры должны учитывать ограничения, налагаемые необходимостью соблюдения гражданских прав и свобод.

В советский период истории целью социалистического строительства в СССР признавалось полное искоренение преступности как явления, однако этого

сделать не удалось. Более того, в кризисный период начала 1990-х (со стартом т. н. «перестройки») вопрос вообще был снят с повестки дня.

В последнее время общий тренд на рост преступности актуализировал необходимость разработки действенного комплекса профилактических мер. Особое значение при этом уделяется профилактике именно насильственной преступности, посягающей на жизнь и здоровье человека и потому представляющей повышенную общественную опасность.

По данным Судебного департамента Верховного Суда РФ, доля насильственной преступности в общей массе преступлений в России достигает 20% [1]. Официальной статистике в данном случае вполне можно доверять — хотя бы потому, что такая преступность в России имеет меньшую латентность, что связано с необходимостью обращения потерпевших в медицинские учреждения. Как отмечает известный правовед-криминалист А. В. Варданян, «насильственные посягательства на жизнь и здоровье, свободу, честь и достоинство личности продолжают сохранять довольно высокий удельный вес в структуре преступности, даже несмотря на некоторые колебания в показателях ее динамики в течение последних нескольких лет» [2].

Приходится с сожалением констатировать, что в обществе XXI века уровень агрессии неуклонно нарастает. Насилие (физическое, психологическое, моральное) часто выступает компонентом большинства преступных деяний как против личности, так и против собственности. Однако в отношении преступлений в сфере экономики, насилие считается скорее инструментом, а не целью (преступный умысел часто может быть реализован и без применения или угрозы насилия).

Для эффективного предупреждения, выявления и раскрытия насильственных преступлений необходимо понимать причины, лежащие в основе моделей преступного насильственного поведения, механизм возникновения этого явления и формы проявления; представлять особенности личности, которые способны подтолкнуть человека к совершению подобных действий и т. п.

Принято считать, что в основе насильственных преступлений лежит агрессия. Под термином «агрессия» имеют в виду такое поведение, когда целью действия является причинение страдания другому человеку. Криминальная агрессия — это вид агрессивного поведения, который запрещен законом. Иногда выделяют частные виды агрессии: например, инструментальную агрессию, когда насилие является только средством достижения другой цели (завладение денежными средствами при разбойном нападении или психологическое давление в случае эмоциональной агрессии).

Агрессия — явление, которое можно рассматривать в рамках различных контекстов (психологического, социологического, криминологического и т. п.). Так, биологическое понятие склонности к агрессии как постоянно действующему началу, проявляющемуся в виде агрессивного поведения, не подтверждается результатами эмпирических исследований (кроме случаев болезненного психического состояния, вызываемого тяжелыми психическими расстройствами? — эпилепсией, шизофренией и др.). В то же время опрометчиво было бы полностью игнорировать особенности темперамента и характера личности, проявляющей агрессию, — т. е. социально-нравственное состояние индивида, которое, пусть и

не выступает основной причиной агрессивных действий, но может сыграть роль катализатора при определенных неблагоприятных условиях.

Решающим фактором при проявлении агрессии в сфере насильственной преступности исследователями признается всё же социальная обстановка. В частности, в отношении несовершеннолетних криминологи выделяют прямое криминальное влияние (вовлечение в преступление) и криминальное влияние [3]. При этом нормы поведения, которые гласно или негласно одобряются группой, способствуют укреплению агрессивного навыка входящих в группу лиц. Это обычно достигается тремя путями:

- постановкой образов агрессивного поведения и овладением ими с помощью механизма подражания;
- возникновением частых поводов для агрессии (члены группы, поддерживающие агрессивное поведение как ожидаемое, ведут себя агрессивно не только с окружающими, но и по отношению друг к другу);
- одобрением агрессии, насилия группой (действует как «награда» для члена группы и усиливает агрессию).

Тем самым агрессивность всей группы усиливается по мере того, как лица этой группы сообща становятся свидетелями агрессивного поведения или непосредственно участвуют в актах агрессии, насилия.

Агрессия индивида как принцип поведения отделяется от своей цели — защиты своего статуса, положения в группе — и начинает выступать как бы «самоценностью», критерием оценки себя и других. Вследствие этого возникает соответствующая групповая идеология, которая со временем способна приводить к формированию культуры насилия. Так, с ростом числа случаев вступления в драку изменяется мотивационная основа правонарушителей: насилие, агрессия становятся всё больше инструментом удовлетворения потребности. При этом чем больше безнаказанных агрессивных поступков совершает субъект, тем вероятнее становится дальнейшее ужесточение актов агрессии, проявляемых с его стороны, и в конце концов совершение им тяжкого преступления против личности. Такие лица часто умышленно своими действиями создают криминогенную ситуацию для реализации своих агрессивных, насильственных побуждений. Отмеченная закономерность (рационализация агрессивной активности в жизнедеятельности субъекта) дает возможность прогнозировать вероятность противоправного поведения конкретных субъектов и, соответственно, определять меры предупредительного воздействия.

Как указывалось выше, наиболее уязвимы в плане психологического давления со стороны группы с целью формирования искаженной системы ценностей, в которой агрессия занимает важное место, подростки. В общем случае на мотивацию, обуславливающую проявление физической агрессии молодежью (уже на этапе обучения в среднем образовательном учреждении), оказывает влияние набор факторов: национально-культурная принадлежность, уровень достатка в семье, половая идентичность и пр. У каждой социальной страты на уровне школы имеется свой мотив для агрессии (самозащита или защита близких людей, религиозная или национальная неприязнь, зависть и т. д.). Кроме того, подростки, склонные к девиантным формам поведения (употреблению алкоголя, наркотических средств),

часто рассматривают свое участие в драках как средство эмоциональной разрядки, снятия психологического напряжения.

Выбор стратегии и тактики работы с таким лицом зависит от его психоэмоционального статуса и готовности в дальнейшем реализовывать именно агрессивные модели поведения. В самом общем плане можно рекомендовать анализировать частоту и интенсивность проявления агрессии лицом в повседневной жизни (а не только в случае каких-либо инцидентов) — конфликты с окружающими, оскорбления, нарушения общественного порядка, потасовки и т. п. [4].

Профилактика преступности — комплекс различных мер воздействия на индивида и общество в целом с целью предотвращения противоправных действий. Профилактика — один из важнейших элементов в борьбе с преступностью, поскольку только она дает шанс предотвратить переход человека в разряд преступников [5]. В этом смысле следует согласиться с мнением М. Б. Метелкина, А. С. Михлина, что лицо, ранее преступившее закон, в будущем также может совершить преступление [9], если не устранить обстоятельства, прямо или косвенно способствующие криминальным проявлениям. Это утверждение в полной мере относится и к вопросу предупреждения насильственной преступности. Отдельной темой следует признать задачу эффективной ресоциализации лиц, освобожденных из мест лишения свободы.

На уровне государства, а также отдельных регионов России существуют свои наработки в сфере предупреждения насильственной преступности. Задача нашего исследования подразумевает оценку таких мер, действующих на территории Краснодарского края. Профилактика насильственной преступности в Краснодарском крае носит комплексный характер и включает в себя социально-экономические, политические, организационно-управленческие, воспитательные, технические, правовые и другие меры. Сегодня в регионе действует несколько государственных программ, реализация которых, в целом, оказывает позитивный эффект на состояние оперативной обстановки, среди них:

1. Государственная программа «Обеспечение безопасности населения» [6].
2. Государственная программа «Противодействие незаконному обороту наркотиков» [7].
3. Государственная программа «Социальная поддержка граждан» [8].

В региональном реестре Краснодарского края зарегистрировано 415 народных дружин и общественных объединений правоохранительной направленности общей численностью 17877 человек, из них 332 народные дружины численностью 14737 человек (в том числе 47 казачьих дружин — 1602 человека и 285 не казачьих дружин — 13135 человек) и 83 общественных объединения правоохранительной направленности, численностью 3140 человека (из них 48 общественных объединений правоохранительной направленности, в состав которых входят студенты учебных заведений, общей численностью 993 человека — «Студенческий патруль» и «Молодежный патруль»).

На уровне края утвержден системный план мер по профилактике безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних граждан, к числу которых, в частности, относятся:

1. Организационная и информационно-аналитическая работа (мониторинг и анализ деятельности органов и учреждений системы профилактики по защите прав и законных интересов несовершеннолетних, профилактике их безнадзорности и правонарушений, а также преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних).

2. Организация методико-психолого-психиатрической работы с несовершеннолетними (раннее выявление, наблюдение и лечение подростков с девиантным поведением (в структуре психического расстройства) в соответствии с приказом Минздрава и МВД РФ от 30.04.97 № 133/269 «О мерах по предупреждению общественно опасных действий лиц, страдающих психическими расстройствами»).

3. Профилактическая работа с отдельными категориями несовершеннолетних и семей (организация и проведение профилактической работы с семьями и несовершеннолетними на ранней стадии семейного неблагополучия).

4. Профилактика негативных зависимостей среди несовершеннолетних (организация медицинского обследования несовершеннолетних на предмет употребления алкогольных, наркотических и психотропных веществ на базе диспансерно-клинического отделения).

5. Социально-психологическая адаптация и профориентация подростков, организация трудовой занятости несовершеннолетних (организация временного трудоустройства несовершеннолетних граждан от 14 до 18 лет во внеучебное время и в период каникул).

6. Семинары, совещания, пропаганда правовых знаний.

Кроме того, в регионе существует и реализуется специальная стратегия, направленная на купирование преступности в регионе. Стратегия подразумевает:

1) ограничение потенциальной возможности совершения преступлений лицами в возрасте 14–18 лет в общественных местах;

2) жесткий контроль за торговыми точками и точками общественного питания в целях сокращения объема продаж алкоголя населению;

3) антинаркотическую пропаганду и тестирование учащихся, студентов учреждений среднего образования на предмет употребления наркотиков;

4) надзор полиции за лицами, ранее привлекавшимися к уголовной ответственности;

5) вовлечение населения в охрану общественного порядка посредством различных форм материального стимулирования и социальной поддержки.

При этом, отметим, что данная Стратегия реализуется не без сложностей. К основным проблемам профилактики насильственной преступности можно отнести:

1) низкий уровень доверия населения к полиции, который трансформировался в убеждение сельских жителей, что полиция не только недостаточно эффективно выполняет свои функции, но и выступает в качестве нарушителя гражданских прав;

2) отсутствие эффективного взаимодействия с лицами, отбывшими наказание, по линии органов местного самоуправления и региональных учреждений социальной помощи;

3) недостаточный охват надзором полиции сельских территорий, что обусловлено слабым техническим оснащением и избытком второстепенных должностных обязанностей;

4) отсутствие взаимодействия между полицией и частными охранными предприятиями, что не позволяет использовать ресурсы бизнес-структур для обеспечения общественного порядка.

Существенной причиной, осложняющей предупредительную деятельность в отношении насильственной преступности, является также тот факт, что на протяжении нескольких десятилетий реальными субъектами профилактических действий в России выступали государственные ведомства (органы внутренних дел); в то же время территориальные общественные организации были лишены реальных полномочий по предупреждению преступности. Дело в том, что право органов местного самоуправления участвовать в охране общественного порядка основано на ч. 1 ст. 132 Конституции РФ, в то же время Федеральным законом от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» за органами местного самоуправления полномочия по осуществлению профилактики преступлений и правонарушений не закреплены.

Таким образом, по нашему мнению, стратегия профилактики насильственной преступности должна предусматривать активизацию борьбы с широким спектром правонарушений и антисоциального поведения, своевременное реагирование на которые способно повлиять на динамику тяжких преступлений. Речь идет о противодействии алкоголизму и наркомании, хулиганству, незаконному приобретению или хранению оружия, вовлечению несовершеннолетних в противоправную деятельность и др. При этом следует обратить внимание и на систематическую работу с лицами, часто совершающими различные административные правонарушения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2021 год [Электронный ресурс] / Судебный Департамент Верховного Суда РФ: официальный сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>.
2. Вардадян А. В. Феномен агрессии в структуре современной насильственной преступности // Юрист-Правоведь. 2018. № 2 (85). С. 39–44.
3. Мухин М. И. Агрессия детей: ее первопричины // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2020. № 5. С. 29–32.
4. Лавров В. П. О научной дискуссии по поводу технико-криминалистического и судебно-экспертного видов деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 8. С. 149–152.
5. Гриценко Т. В. Актуальные проблемы предупреждения насильственной преступности в России / Т. В. Гриценко, Н. С. Диденко // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2019. № 3 (45). С. 7–13.
6. Постановление главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 16.11.2015 № 1039 (ред. от 24.12.2021) «Об утверждении государственной програм-

мы Краснодарского края «Обеспечение безопасности населения» // Официальный сайт администрации Краснодарского края. URL: <http://admkrai.krasnodar.ru> (дата обращения: 13.05.2022).

7. Постановление главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 05.10.2015 № 941 (ред. от 21.09.2021) «Об утверждении государственной программы Краснодарского края «Противодействие незаконному обороту наркотиков» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.05.2022).
8. Постановление главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 05.10.2015 № 938 (ред. от 20.12.2021) «Об утверждении государственной программы Краснодарского края «Социальная поддержка граждан» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.05.2022).
9. Метелкин М. Б., Михлин А. С. Личность особо опасных рецидивистов и вопросы дифференциации исполнения наказания. М., 1980. С. 3.

Ivneva E. V.,

*Cand. of Legal Sciences, Head of the Department of Civil and Criminal Law and Procedure, Docent,
Sochi State University, Sochi, Russia*

Naydenyshev Yu. V.,

*Senior Lecturer of the Department of Civil and Criminal Law and Procedure,
Sochi State University,
Head of the Forensic Department of Internal Affairs Division in Sochi,
Police Headquarters in the Krasnodar Territory, police colonel, Sochi, Russia*

ON THE PREVENTION OF PERFORCE CRIME ON THE EXAMPLE OF THE KRASNODAR REGION

Perforce crime has long been an integral part of the crime of Russia and Krasnodar Region. The article is devoted to the current state of perforce crime. The authors analyze the features of this type of crime. As a result of the research, conclusions are made about negative trends of perforce crime, as well as the need to further improve the preventive measures on it.

Key words: crime; act of force; preventive measures; prevention.

УДК 343.98

DOI 10.55346/27825647_2022_4_48

Задаянная О. И.,

© 2022

*старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Сочинский филиал ВГУЮ (РПА Минюста России),*

*Дата приема:
15.05.2022*

г. Сочи, Россия

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье исследуются вопросы законодательного регулирования судебно-экспертной деятельности, в связи с рассмотрением законопроекта № 306504–6 «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Приводятся аргументы о необходимости сертификации экспертных учреждений, разработки, стандартизации и внедрения в судебно-экспертную деятельность единых научно обоснованных методик проведения судебных экспертиз.

Ключевые слова: *судебно-экспертная деятельность; судебная экспертиза; государственный эксперт; негосударственный эксперт; компетентность эксперта; сертификация; отраслевая специфика проведения судебных экспертиз; апробация судебно-экспертных методик; единый реестр.*

В последнее время сфера применения судебной экспертизы расширяется. При этом вопросы проведения судебной экспертизы традиционно рассматриваются в межотраслевом аспекте. Тем большую важность приобретает значение правового регулирования судебно-экспертной деятельности вне зависимости от специфики процессуальных отраслей.

Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» действует с мая 2001 года, при этом в него неоднократно вносились изменения в соответствии с редактированием процессуального законодательства.

По инициативе ряда ученых и экспертов-практиков в Государственную Думу в 2013 году был внесен законопроект № 306504–6 «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»¹. Предложения по изменению действующего законодательства касались реорганизации судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации с целью стабилизации правового положения государственного судебного эксперта, путем обеспечения организационных гарантий принципа независимости. Значительное внимание в законопроекте уделено валидации (апробации) судебно-экспертных методик, аккредитации судебно-экспертных

¹ Система обеспечения законодательной деятельности [Электронный ресурс] // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/272910-6> (дата обращения: 20.04.2022).

учреждений и организации контроля над деятельностью негосударственных судебных экспертов.

20 ноября 2013 г. он был принят в первом чтении. Однако, накануне внесения Правительством РФ в Государственную Думу ФС РФ нового законопроекта, на рассмотрение поступил другой законопроект № 272910–6 «О внесении изменений в статью 10 Федерального закона "О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации"»¹ (в части дополнительного регулирования порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз). В итоге, 19 мая 2014 г. принято решение снять законопроект с рассмотрения Государственной Думой ФС РФ в связи с отзывом субъектом права законодательной инициативы².

24 декабря 2016 г. в Государственную Думу ФС РФ был внесен другой законопроект — № 63690–7 «О внесении изменений в Федеральный закон "О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации" и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (касающийся вопроса о независимости и объективности проведения судебно-психиатрических экспертиз как в рамках гражданского, так и уголовного судопроизводства). Правительство РФ дало на него следующее заключение: «... закон либо другой нормативный правовой акт, предусматривающий введение новых расходных обязательств, должен содержать нормы, определяющие источники и порядок исполнения новых видов расходных обязательств. Такие нормы в данном законопроекте отсутствуют. Правительство Российской Федерации законопроект не поддерживает»³.

Новая редакция законопроекта, к сожалению, так и не была обнародована. Хотя, как стало известно, им предусматривались существенные изменения:

1. Исключалось положение об обязательной сертификации компетентности государственных судебных экспертов. При этом норма о добровольной сертификации негосударственных экспертов сохранялась.

2. Нормы, касающиеся обязательной сертификации методического обеспечения и обязательной валидации методических материалов по производству судебной экспертизы, также были исключены, но предлагалась модель приоритетного использования сертифицированных методических материалов.

3. Исключалось требование о едином реестре судебных экспертов. Против внесения в него сведений обо всех государственных судебных экспертах высказывались, в частности, представители ФСБ России.

4. Производство судебно-медицинских и судебно-психиатрических экспертиз должно было осуществляться в соответствии с нормами нового закона о судебно-экспертной деятельности, первоначальная редакция которого предполагала, что его действие распространяется на всю судебно-экспертную деятельность за исключением указанных видов экспертиз.

¹ Система обеспечения законодательной деятельности [Электронный ресурс] // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/272910-6> (дата обращения: 20.04.2022).

² Система обеспечения законодательной деятельности [Электронный ресурс] // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/306504-6> (дата обращения: 20.04.2022).

³ Система обеспечения законодательной деятельности [Электронный ресурс] // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/63690-7> (дата обращения: 20.04.2022).

Основной идеей законопроекта являлась необходимость исключения права производства судебных психиатрических экспертиз негосударственными судебными экспертами.

Представляется обоснованным мнение специалистов о том, что в случае его принятия действующий Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» войдет в противоречие нормам ст. 15 УПК РФ «Состязательность сторон», поскольку сторона обвинения практически всегда, обращаясь к государственным судебным экспертам-психиатрам, станет, сама не подозревая об этом, заложником возможного необъективного расследования¹.

При производстве экспертизы в государственном судебно-экспертном учреждении ведомственными актами урегулировано осуществление контроля за компетентностью экспертов, а также за сроками производства экспертизы и качеством исследования. Эксперты государственных экспертных учреждений в соответствии с требованиями указанных нормативных актов проходят аттестацию с периодичностью в 5 лет. В свою очередь порядок оценки компетентности сотрудников негосударственных экспертных учреждений и иных организаций, выступающих в качестве экспертов, равно как и требования к их методическому и материально-техническому обеспечению, в настоящее время нормативно не закреплены.

Процедура сертификации негосударственных судебных экспертов не носит обязательного характера, осуществляется добровольно, на коммерческой основе. На практике имеют место случаи, когда такой «сертифицированный специалист без высшего профильного образования предоставляет множество документов, свидетельствующих о наличии у него специальных знаний по нескольким экспертным специальностям, далеким от его квалификации по диплому о высшем образовании².

Необходимость закрепления правовых основ деятельности негосударственных экспертных организаций и негосударственных экспертов в целях повышения качества проводимых ими экспертиз является предметом активного обсуждения и по настоящее время³.

Одной из важнейших проблем в новом законе выступает сертификация. Необходимы стандарты — методики, одинаковые для всех специалистов в конкретной отрасли, оценка компетенции по единым для всех нормативам. Именно это обеспечивает проверяемость и воспроизводимость исследования.

Сейчас, кроме Минюста России, где предусмотрена стандартизация сертификационных подходов и наличие экзаменов по специальности, имеются различные негосударственные организации, предлагающие сертификацию на коммерческой основе, дистанционно и в такие сроки, которые не позволяют считать проведение этой процедуры реальным и компетентным.

¹ Милюхин П. В стремлении к объективности [Электронный ресурс] // URL: <https://www.advgazeta.ru> (дата обращения: 20.04.2022).

² Кудрявцев Ю. С. Компетентность эксперта как критерий оценки экспертного заключения судом [Текст] / Ю. С. Кудрявцев // Эксперт-криминалист. 2021. № 3. С. 14–16.

³ Чернявская М. С. Направления совершенствования деятельности негосударственных судебно-экспертных организаций // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 2 (111) // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/napravleniya-sovershenstvovaniya-deyatelnosti-negosudarstvennyh-sudebno-ekspertnyh-organizatsiy> (дата обращения: 22.03.2022).

Как свидетельствуют сами практикующие негосударственные эксперты, они в большинстве своем выступают против сертификации. При введении обязательной сертификации немалое число негосударственных экспертов не смогут продолжить свою экспертную деятельность. Однако при введении обязательной сертификации необходимо предусмотреть, чтобы объем деятельности негосударственных экспертов не был уменьшен, так как государственные экспертные подразделения перегружены и эксперты часто не укладываются в необходимые сроки. Это особенно касается проведения экспертиз по гражданским и административным делам.

Таким образом, с точки зрения обеспечения интересов судопроизводства, важны как государственные, так и негосударственные судебно-экспертные учреждения. При наличии обоих видов учреждений создается добросовестная профессиональная конкуренция, что, в свою очередь, служит делу повышения уровня компетенции экспертов. Однако анализ совокупности нормативного материала, регулирующего судебно-экспертную деятельность, показывает, что ее организация нуждается в унификации и приведении к единому правовому стандарту.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Милюхин П. В стремлении к объективности [Электронный ресурс] // URL: <https://www.advgazeta.ru> (дата обращения: 20.04.2022).
2. Кудрявцев Ю. С. Компетентность эксперта как критерий оценки экспертного заключения судом [Текст] / Ю. С. Кудрявцев // Эксперт-криминалист. 2021. № 3. С. 14–16.
3. Чернявская М. С. Направления совершенствования деятельности негосударственных судебно-экспертных организаций // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 2 (111) // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/napravleniya-sovershenstvovaniya-deyatelnosti-negosudarstvennyh-sudebno-ekspertnyh-organizatsiy> (дата обращения: 22.03.2022).

Zadayannaya O. I.,

senior lecturer of the Criminal Law Department,

Sochi branch of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia),

Sochi, Russia

SOME PROBLEMS IN THE REGULATION OF FORENSIC ACTIVITIES

The article focuses on the issues of legislative regulation of judicial and expert activity in connection with the consideration of the bill 306504–6 «On judicial and expert activity in the Russian Federation». Arguments are given about the need for certification of expert institutions, development, standardization and introduction of unified scientifically based methods of forensic examination into the forensic activity.

Key words: forensic activity; forensic expertise; state expert; non-state expert; expert competence; certification; sectoral specificity of forensic expertise; approbation of forensic methods; unified register.

УДК 343

DOI 10.55346/27825647_2022_4_52

Гимель М. И.,

магистрант, Сочинский филиал ВГУЮ (РПА Минюста России),
г. Сочи, Россия

© 2022

Дата приема:
28.04.2022

Научный руководитель: Ратьков А. Н.,

доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Сочинский филиал ВГУЮ (РПА Минюста России),
к. ю. н., доцент, г. Сочи, Россия

РЕЗУЛЬТАТЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА, ПРОВОЦИРУЮЩИЕ КОРРУПЦИОННОЕ ПОВЕДЕНИЕ

В статье автор обращает внимание на то, что, чем в большей степени законодатель стремится дифференцировать виды уголовно-процессуальной деятельности, тем меньше остается в новых процедурах четкости и однозначности предписываемых действий. Текст уголовно-процессуального закона всё чаще предоставляет правоприменителю возможность необоснованно широких пределов усмотрения и необоснованного применения им исключений из общих правил, что является коррупциогенным фактором закона. Данное предположение обосновывается на примере современного регламента стадии возбуждения уголовного дела и порядка прекращения уголовного дела в связи с примирением обвиняемого с потерпевшим.

Ключевые слова: коррупциогенность; процессуальный регламент; возбуждение уголовного дела; прекращение производства по делу.

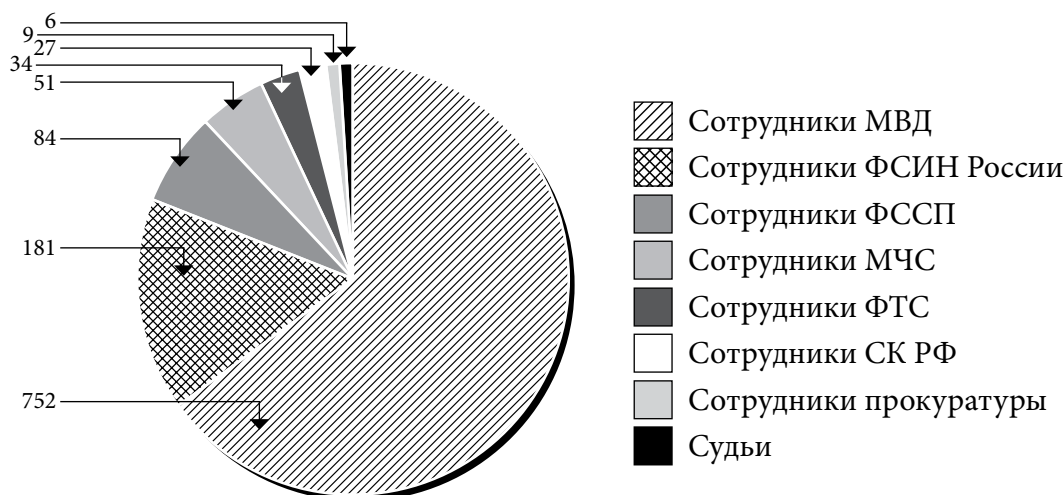
Итальянский юрист Энрико Ферри (1856–1929) в свое время метко подметил, что уголовный закон пишется для негодяев, а уголовно-процессуальный — для честных людей. Современные процессуалисты также обращают внимание на тот факт, что нормативная регламентация Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации рассчитана, скорее, на добросовестного правоприменителя. «По сути, — делает вывод А. А. Тарасов, — справедливость данного подхода не вызывает сомнений, так как позитивно направленная деятельность любого должностного лица и представителя власти совершенно немыслима без кредита общественного доверия, выдаваемого одновременно с назначением на должность. Сложно представить себе уголовно-процессуальный закон, уже изначально сориентированный, к примеру, на следователя, эксперта или судью — взяточников» [1].

В то же время имеющиеся статистические данные свидетельствуют о том, что среди правоприменителей немало таких лиц, которые не прочь воспользо-

ваться своим служебным положением, то есть пойти на совершение коррупционных действий.

Обобщив доступную статистическую информацию, можно проиллюстрировать динамику выявленных преступных деяний коррупционной направленности в среде правоохранителей следующей диаграммой (см. рисунок).

ОБВИНЯЕМЫЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О КОРРУПЦИИ ЗА 2019 г.

Всего в 2019 году по уголовным делам о коррупции предстали перед судом 6,9 тыс. обвиняемых. Осуждено было почти 5,3 тыс. человек. Из них больше половины (2,8 тыс.) — за получение и дачу взяток в крупном размере. Двое из каждых пяти осужденных за получение крупной взятки — это сотрудники правоохранительных органов (диаграмма демонстрирует их распределение по сферам профессиональной деятельности). К сожалению, в связи с высокой латентностью данного вида преступлений статистика не всегда отражает реальный масштаб совершаемых преступлений. Поэтому можно смело говорить о том, что фактический уровень преступности этого типа значительно выше.

Таким образом, ориентация законодателя на честность и добросовестность должностного лица, уполномоченного осуществлять, в том числе и уголовное судопроизводство, далеко не всегда оправдана. Правоприменитель при желании находит возможность обойти закон, несмотря на, казалось бы, жесткий регламент его действий. Определенность закона, исключающая широкие пределы усмотрения, возможность необоснованного применения исключений из общих правил как раз и являются одним из инструментов борьбы с коррупционными проявлениями. Если же в законах остаются предписания, позволяющие применять их по личному усмотрению, свободно толковать, опираться на исключения из общих правил, то сам закон приобретает коррупциогенную сущность, порождая соблазн использовать такое «дозволение» в корыстных целях. Следовательно, если даже при отсутствии в тексте закона коррупциогенных составляющих заинтересованные лица ухитряются совершать коррупционные деяния (далеко не все из которых выявляются), то при наличии в законе запрограммированных лазеек

для злоупотребления дискрецией лица, принимающего решение, желающих повернуть дышло закона в свою сторону станет гораздо больше; а вот возможности для их выявления еще более сократятся, так как буква закона, по факту, нарушаться не будет, — просто закон будет применяться, скажем так, избирательно. Уместно вспомнить в этой связи остроумное замечание Станислава Ежи Леца, который подметил, что «незнание закона не освобождает от ответственности. А вот знание нередко освобождает» [2, с. 245].

Учитывая метод уголовно-процессуального регулирования общественных отношений, предполагающий исчерпывающую нормативную регламентацию властной правоприменительной деятельности, именно в уголовном судопроизводстве создание процедурных препятствий для распространения фактов коррупции специалисты считают реально выполнимыми [1]. Однако изучение положений уголовно-процессуального законодательства дает основание говорить, что в действующем УПК РФ степень нормативной регламентации властной правоприменительной деятельности во многих случаях еще далека от исчерпывающей. Причем, чем в большей степени законодатель стремится дифференцировать виды уголовно-процессуальной деятельности, тем меньше остается в новых процедурах «четкости и однозначности» действий.

Возьмем, к примеру, не так давно измененный порядок возбуждения уголовного дела. При проверке сообщения о преступлении, согласно ч. 1 ст. 144 УПК РФ, уполномоченные лица теперь (в отличие от прежнего регламента) вправе совершать довольно-таки широкий спектр действий, направленных на установление фактов, имеющих значение для уголовного дела. Но, как конкретно производить все эти действия, УПК РФ не говорит. В нём расписана процедура производства следственных действий, но в данном случае допускаемые действия следственными не являются. К тому же часть из них даже не напоминает следственные действия. Следовательно, каждый правоприменитель будет осуществлять эти действия в силу своего усмотрения, возможно, даже вторгаясь в сферу охраняемых личных интересов лиц, вовлеченных в процесс проверки.

Несмотря на такую нерегламентированность допускаемых действий и непредсказуемость их результатов в силу отсутствия процессуальной формы, примечание второе к ч. 1 ст. 144 УПК РФ указывает, что сведения, полученные в ходе такой проверки сообщения о преступлении, могут быть использованы в качестве доказательств. То есть прописанная процедура полностью противоречит закреплённому в этом же законе порядку получения доказательств и, по сути, отрицает процесс доказывания. Не удивительно, что результаты оценки добытых таким образом «доказательств» будут различными. На примере полученных до возбуждения уголовного дела объяснений можно убедиться, что в одних случаях их признают в качестве доказательств, в других — исключают из числа таковых. И если возможность их использования в качестве доказательств следует из самого закона, то об исключении объяснений из числа таковых свидетельствует практика.

Систематизировав данные, по которым суды разных инстанций и различных регионов отказываются признавать доказательственное значение за объяснениями, М. В. Сидоренко приводит следующий набор причин:

— объяснения не входят в перечень доказательств, установленный ч. 2 ст. 74 УПК РФ, следовательно, легитимными средствами доказывания в рамках российского уголовного процесса они не являются;

— объяснения получены в порядке, который не предусмотрен УПК РФ. В силу этого они не могут быть признаны ни иными документами, ни в целом доказательствами по делу;

— при получении объяснений не обеспечены процессуальные права лиц (свидетеля, потерпевшего, подозреваемого), от которых получены объяснения, в силу чего полученные сведения не могут быть признаны в качестве легитимных средств доказывания [3, с. 15–20].

Но, тем не менее, в ряде случаев (и их, скорее всего, большая часть) объяснения признаются доказательствами. Интересно, что и в случае признания объяснений доказательствами, и в случае их исключения из перечня доказательств, под принимаемые решения подводятся основания, содержащиеся в одном и том же законе. Разве это не коррупционная составляющая действующих норм? Решения принимаются исходя из личного мнения конкретного субъекта правоприменения. Выгодно признать имеющиеся сведения доказательствами, — мы их признаем; не выгодно — не признаем (причем опять же на основании закона)! Такая дискреция в отношении порядка действий правоприменителя — находка для коррупционера, причем изобретенная самим законодателем.

Еще к одному из институтов УПК РФ, содержащему коррупциогенные факторы, как представляется, можно отнести порядок прекращения уголовного дела в связи с примирением обвиняемого с потерпевшим.

Данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации свидетельствуют о том, что прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон является лидером среди прочих оснований прекращения уголовных дел. За 2019 год было прекращено 189 851 уголовное дело, причем в связи с примирением сторон — 108 662 из них (57% от всего массива). Статистика отображена в таблице:

СВЕДЕНИЯ О ПРЕКРАЩЕННЫХ УГОЛОВНЫХ ДЕЛАХ
ПО РАЗЛИЧНЫМ ОСНОВАНИЯМ В 2017–2019 гг.

ГОД	2017	2018	2019
Всего прекращено	187 133	191 251	189 851
В связи с примирением сторон	138 187	127 437	108 662
Процентное соотношение	74%	67%	57%

Обращает на себя внимание факт того, что в числе прекращенных за примирением сторон дел весьма значителен удельный вес таких, которые в соответствии с законодательством относятся к делам частного-публичного обвинения. Перечень дел, относящихся к делам о преступлениях частного-публичного обвинения, как известно, закреплен в ч. 3 ст. 20 УПК РФ. Однако эта же часть 3 статьи 20 УПК РФ недвусмысленно указывает, что дела частного-публичного обвинения возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего или его законного представителя, но прекращению

в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым не подлежат. Получается, что правоприменитель этот запрет игнорирует, обходя его необоснованным использованием ст. 25 УПК РФ, предусматривающей общие основания прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон. То есть закон вновь позволяет при сходных обстоятельствах совершения преступления в одних случаях сослаться на ст. 25 УПК РФ и прекратить производство по делу, а в других — указать на ч. 3 ст. 20 УПК РФ и в прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон отказать. Решение опять-таки зависит не от предписаний закона, а от усмотрения правоприменителя.

Выхода из создавшегося положения, на наш взгляд, может быть два. Первый: дела частного-публичного обвинения, даже если обстоятельства их совершения и преступник подпадают под общие условия, сформулированные в статьях 25 УПК РФ и 76 УК РФ, не могут быть прекращены в связи с примирением сторон. С этой целью, чтобы еще раз заострить внимание правоприменителя, в статью 25 УПК РФ следует внести дополнение следующего содержания: «... за исключением статей, предусмотренных ч. 3 ст. 20 УПК РФ».

Второй путь: исключить из ч. 3 ст. 20 УПК РФ запрет на прекращение дел частного-публичного обвинения в связи с примирением сторон. Но тогда полностью теряется смысл частного-публичного уголовного преследования. Следовательно, для восстановления законности применения оснований прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон приемлем только первый вариант наших предложений.

В данной статье затронуты лишь некоторые нормы, провоцирующие коррупционное поведение, — нормы, коррупциогенность которых видна даже начинающему юристу. При более детальном анализе текста процессуальных установлений, возможно, обнаружатся и другие предписания аналогичной природы. В то же время, думается, что и на основании названных институтов УПК РФ можно сделать вывод о том, что текст уголовно-процессуального закона должен быть выверен более тщательно, — так, чтобы исключить необоснованно широкие пределы усмотрения правоприменителя и возможность неоправданного применения им инструмента «исключение из общих правил». Именно такие четкие установления закона должны стать основой противодействия коррупционному поведению.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Тарасов А. А. Антикоррупционные стандарты в уголовном судопроизводстве: от законодательной идеи к процедурному воплощению // URL: https://go.mail.ru/redirect?type=sr&redirect=eJwVy9EJwjAURuFO46OhEVsrCLqHEIIJbWibP-TeBNMJnMEB3MFdfHMR63n-zsAc6CgEcTKz3SL2ou6apv63k-1BhKgzhPbsRsSYApOD98UqYu2NjlxU6jEhe8yKkkGicEuGic5WLXqEh9FsJ4-inLFOryDjmhTXI6mMMIFug_WupKqq913Xyp2UbfV-Pc_3T3fB9bFJX5x-oy9Bog&src=4515fa2&via_page=1&user_type=48&oid=d62156b52bc7f0d3 (дата обращения: 12.05.2022).
2. Бойко А. И. Язык уголовного закона и его понимание: Учебно-научное издание. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2009. 308 с.
3. Сидоренко М. В. Коллизии процессуальной формы доказывания в досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Российский следователь. 2017. № 2. С. 15–20.

Gimel M. I.,

*Master's degree student,
Sochi branch of the All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia), Sochi, Russia*

Academic Supervisor: Ratkov A. N.,

*Cand. of Legal Sciences, Assoc. Prof. of the Criminal Law Department, Docent,
Sochi branch of the All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia), Sochi, Russia*

RESULTS OF DIFFERENTIATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS PROVOKING CORRUPT CONDUCT

In the article the author points out that the more the legislator seeks to differentiate the types of criminal procedure activities, the less remains in the new procedures of clarity and certainty of the prescribed actions. The text of the Criminal Procedure Law increasingly provides the law enforcement officer with unreasonably broad limits of discretion and unjustified application of exceptions from the general rules which is a corrupt factor of the law. This assumption is based on the current rules governing the stage of initiation of criminal proceedings and the procedure for the termination of criminal proceedings in connection with the reconciliation of the accused with the victim.

Key words: corruption; procedural regulations; initiation of criminal proceedings; termination of proceedings in a case..

УДК 343.13

DOI 10.55346/27825647_2022_4_58

Черкасова Д. Н.,

магистрант, Сочинский филиал ВГУЮ (РПА Минюста России),
г. Сочи, Россия

© 2022

Дата приема:
28.04.2022

Научный руководитель: Пильников С. Г.,

зав. кафедрой уголовно-правовых дисциплин,
Сочинский филиал ВГУЮ (РПА Минюста России),
к. ю. н., доцент, г. Сочи, Россия

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ОПЫТА В ПРАВОТВОРЧЕСКОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИИ

В статье рассмотрены отдельные положения отечественного и зарубежного законодательства, касающиеся профилактики преступности среди несовершеннолетних. Автор приводит аргументы в пользу того, что некоторые нормы зарубежного законодательства, ориентированные на противодействие преступности среди несовершеннолетних, могут быть с успехом усвоены отечественным законодателем и использованы для целей противодействия росту подростковой преступности.

Ключевые слова: зарубежное законодательство; правотворческое регулирование; предупреждение преступлений несовершеннолетних; преступность несовершеннолетних; ранняя профилактика.

Высокий уровень преступности среди несовершеннолетних по-прежнему остается острой проблемой для российского общества. Это свидетельствует о том, что меры, предпринимаемые в целях предупреждения данного вида преступности, являются недостаточными. Полагаем, что в этой связи представляется актуальным обращение к опыту других стран в сфере законодательного регулирования профилактики преступности среди несовершеннолетних. Безусловно, при изучении зарубежной практики следует учитывать исторически сложившиеся культурно-исторические и социально-политические особенности тех или иных государств, повлиявшие на установление определенной правотворческой и правоприменительной традиции.

В Российской Федерации в настоящее время базовым законом, отражающим концепцию правотворческой политики государства по отношению к преступности в среде несовершеннолетних, является Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [1], который, несмотря на наличие в нём множества эффективных положений и норм, всё же направлен в основном на непо-

средственное предупреждение подростковой преступности, а также на предупреждение ее рецидива, что, по мнению некоторых правоведов, можно считать отчасти недостатком данного закона [2, с. 68]. Сравнительно мало внимания уделяется законодателем вопросу ранней профилактики преступности в среде несовершеннолетних — купированию форм девиантного поведения. Удельный вес таких мер в общем массиве предупредительных мероприятий, предусмотренных законом, незначителен. Помимо этого, данные меры направлены по большей части на несовершеннолетних, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, в то время как предрасположенность к преступному поведению имеет место и в других социальных стратах.

На наш взгляд, закон должен содержать куда больший объем профилактических мероприятий в отношении всех категорий несовершеннолетних, в том числе с учетом возможностей отечественной системы образовательных и досуговых учреждений.

Весьма интересным в контексте рассматриваемой темы представляется Закон 1998 г. «О преступлениях и нарушениях общественного порядка», который действует в Великобритании. Английский закон, по аналогии с отечественными принудительными мерами воспитательного воздействия, которые предусмотрены ст. 90 УК РФ, устанавливает возможность наложения на несовершеннолетнего, совершившего преступление, определенных обязанностей. Наложение обязанностей осуществляется посредством вынесения Приказа об антисоциальном поведении, который в отличие от вышеуказанной нормы уголовного закона РФ основанием для своего применения называет не только непосредственное совершение преступления несовершеннолетним, но также действия, которые «... вызывают или могут вызвать беспокойство, страх или причинить страдания иным лицам, кроме членов семьи» [3, с. 45]. Несмотря на то, что данная формулировка является достаточно размытой, полагаем, что подобное по смыслу положение может быть включено и в действующее российское законодательство, регулирующее профилактический механизм преступлений, совершаемых несовершеннолетними, поскольку с его помощью можно было бы избежать еще не случившихся преступлений [4, с. 67].

Вполне оправданной видится и норма британского закона, которая предусматривает наложение дополнительных обязанностей не только на лицо, совершившее преступление, но также и на его родителей [5, с. 99]. Дополнительный контроль выступает важным элементом предотвращения правонарушений, особенно, когда субъектом такого контроля является не государственная структура, а близкие, и без того играющие значительную роль в формировании поведения, мировоззрения и характера ребенка. В настоящий момент ст. 91 УК РФ предусматривает передачу несовершеннолетнего под надзор родителям или иным законным представителям с целью осуществления контроля за его поведением. По нашему мнению, данная норма не только подлежит расширению, но и детализации.

Еще одной мерой профилактики, включенной в ювенальное законодательство Великобритании, является норма, регламентирующая реакцию государства на пребывание несовершеннолетнего лица в учебное время вне образовательного

учреждения: сотрудник правоохранительных органов в этом случае имеет право задержать подростка и доставить его в учебное заведение или передать родителям [6, с. 196].

В целом, многие нормы ювенального законодательства Великобритании ориентированы именно на профилактику преступного поведения среди несовершеннолетних. Причина очевидна — истоки девиантности у подростка-преступника формируются в детстве, задолго до того момента, как он встает «на скользкую дорожку» [7, с. 117]. Выход из сложившейся ситуации британские власти увидели, с одной стороны, — в разработке и широком распространении различных обучающих госпрограмм, предназначенных для родителей и направленных на просвещение в вопросах воспитания; а, с другой стороны, — в учреждении мотивационных курсов для детей и подростков, преследующих цель ранней профилактики подростковой преступности.

Другое государство, добившееся существенных успехов в противодействии подростковой преступности — Германия. Здесь основой ювенальной юстиции выступает Закон о помощи семье и детям 1990 года, в рамках которого детям из малоимущих семей оказывается материальная поддержка со стороны государства, а также регламентируются воспитательные меры, сопряженные с присмотром за несовершеннолетним в образовательном учреждении.

Достаточно жесткий контроль в Германии установлен за деятельностью тех учебных заведений, где систематически регистрируются случаи проявления подростковой преступности. У таких учреждений, как правило, отзывается лицензия на образовательную деятельность [8].

Немецкий закон предусматривает возможность временного изъятия несовершеннолетнего из семьи в случае, если обстановка в доме негативно отражается на его психоэмоциональном состоянии или провоцирует его антисоциальное поведение. В этом случае специальная служба приставляет опытного воспитателя к такому подростку, а также заботится о создании таких условий для проживания несовершеннолетнего, которые будут способствовать его законопослушному поведению в дальнейшем. В качестве крайней меры в Германии возможна передача трудного подростка в другую семью с назначением его опекунами сторонних граждан [9, с. 148].

Важно отметить, что рассмотренные положения германского федерального законодательства обеспечиваются в полной мере уголовным и административным законодательством этой страны. То есть в случае нарушения каких-либо из приведенных норм Закона о помощи семье и детям, нарушитель может нести ответственность уже в соответствии с уголовным законодательством. Это в корне отличается от отечественного законодательства, регулирующего деятельность органов надзора за несовершеннолетними и собственно профилактическую деятельность в сфере подростковой преступности [10, с. 371].

Закон о защите молодежи, который действует в Германии с 2002 года, также содержит немало полезных норм, которые могли бы прижиться в профильном законодательстве нашей страны [11, с. 77]. Одна из важных глав данного закона, важность которой в наши дни трудно переоценить, носит название «Защита юношества в сфере средств информации». В частности, данная

глава запрещает присутствие несовершеннолетних на киносеансах с возрастными ограничениями и избирательно регламентирует период времени, когда несовершеннолетние определенных возрастных групп могут посещать соответствующие кинофильмы с родителями или же без их присутствия. В тексте главы, кроме того, содержится перечень опасной для подростков информации — к таковым закон, например, относит контент, восхваляющий войну или демонстрирующий подростков в сексуально акцентированных позах и т. д.). Такого рода информация запрещена к передаче несовершеннолетнему, а также к публичной демонстрации и продаже в местах, доступ в которые не контролируется [10, с. 172].

На основании рассмотренных выше примеров можно заключить, что зарубежный опыт ювенального права дает достаточно пищи для размышлений в плане совершенствования отечественного законодательства, а также форм и способов действий органов, наделенных полномочиями по реализации профилактических мер в среде несовершеннолетних. Приведенные в работе отдельные нормативные предписания, содержащиеся в законодательствах Германии и Великобритании, вполне могут быть усвоены российскими правотворцами и при корректном встраивании в правовую систему нашей страны наверняка дадут эффект, поскольку ориентированы как раз на раннюю профилактику преступлений и правонарушений среди несовершеннолетних. Не менее полезным для изучения и последующего учета в законодательном процессе, на наш взгляд, могут стать практики деятельности органов опеки и попечительства зарубежных (в первую очередь европейских) государств, а также комиссий по делам несовершеннолетних.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ (ред. от 24.04.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 16.04.2022).
2. Михайлова С. Н. Меры раннего предупреждения преступности несовершеннолетних в федеральном законе «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // Вестник ТГПУ. 2006. № 11. С. 67–72.
3. Аистова Л. С. Уголовное право зарубежных стран: учебное пособие / Л. С. Аистова, Д. Ю. Краев. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2013. 132 с.
4. Уголовное право зарубежных государств. Общая часть / под ред. И. Д. Козочкина. 578 с.
5. Старков В. И. К вопросу о возможности применения зарубежного опыта противодействия преступности несовершеннолетних в правоприменительной практике правоохранительных органов Российской Федерации // Человек: преступление и наказание. 2012. № 1. С. 67–78.

6. Дородонова Н. В. Регулирование вопросов по организации профилактики правонарушений несовершеннолетних в зарубежном законодательстве: история и современность//Вестник СГЮА. 2017. № 5 (118). С. 191–198.
7. Антонян Ю. М., Коновалова И. А. Формирование личности в детстве и корыстное преступное поведение подростков//Lex Russica. 2017. № 2 (123). С. 115–121.
8. Социальный кодекс ФРГ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sozialgesetzbuch-sgb.de/> (дата обращения: 27.04.2022).
9. Хершельман М. Защита прав детей в Германии (правовые проблемы)//Вестник МГОУ. Серия: Юриспруденция. 2018. № 3. С. 146–154.
10. Власов И. С. Вне судебная помощь несовершеннолетним, нуждающимся в социальной защите, по законодательству Германии//Журнал российского права. 2007. № 11. С. 99–109.
11. Зубкова В. И. Уголовное законодательство европейских стран: сравнительно-правовое исследование. М., 2013. С. 77–78.©

Cherkasova D. N.,

*2nd year master's student, Sochi Branch of the All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia), Sochi, Russia*

Academic Supervisor: Pilnikov S. G., Cand. Sc. Law, Assoc. Prof.,

*Head of Criminal Law Disciplines, Sochi Branch of the All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia), Sochi, Russia*

THE USE OF INTERNATIONAL EXPERIENCE IN THE LAW-MAKING REGULATION OF JUVENILE DELINQUENCY IN RUSSIA

The article analyzes certain provisions of domestic legislation aimed at countering juvenile delinquency, as well as regulatory legal acts of some foreign countries, in particular England and Germany, in the field of juvenile delinquency prevention, the provisions of which could be taken into account in the process of law-making regulation of the mechanism for preventing this type of crime in the Russian Federation.

Key words: juvenile delinquency, prevention of juvenile delinquency, early prevention, foreign legislation, law-making regulation.

УДК 343.232

DOI 10.55346/27825647_2022_4_??

Калюжная В. В.,

студентка, Ростовский филиал

Российской таможенной академии, г. Ростов-на-Дону, Россия

© 2022

Дата приема:

27.04.2022

Научный руководитель: Подройкина И. А.,

зав. кафедрой уголовно-правовых дисциплин,

Ростовский филиал Российской таможенной академии,

д. ю. н., доцент, г. Ростов-на-Дону, Россия

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ТЕРРОРИЗМ: УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Научно-технический прогресс затрагивает все стороны жизни общества, обуславливая в том числе рост преступности в сфере информационных технологий. Информационный терроризм — относительно новый вид террористической угрозы; он оказывает крайне негативное влияние на сознание людей и влечет за собой не только социальные, но и экономические, а также политические негативные последствия. В представленном исследовании анализируются причины распространения информационного терроризма на территории России, дается общая оценка его природы, и, кроме того, раскрываются способы противодействия подобной противоправной деятельности.

Ключевые слова: *информационный терроризм; инфополе; национальная безопасность; транснациональное противодействие; информационная война; антитеррористическая деятельность.*

Повсеместное внедрение инновационных технологий, интенсивное развитие ИТ-сферы к настоящему времени обусловили зависимость общества от цифровой инфраструктуры. Это касается и общемировой повестки дня, и внутрироссийской. Помимо положительных итогов всеобъемлющей цифровизации, актуализируется проблема информационной преступности, рост уровня которой наблюдается в последние годы. Такие преступления, очевидно, являются угрозой безопасности всего общества и затрагивают различные сферы социальной жизни.

Как известно, одним из самых острых вызовов общественной и политической стабильности, признанным таковым на международном уровне, является терроризм. В современном мире он приобрел глобальные масштабы и существует в разных формах. Возможности ИТ-технологий также взяты на вооружение современными террористами. В этой связи остро встает вопрос о достоверности и защищенности получаемой и передаваемой информации, а также о несанкционированном (в том числе противозаконном) доступе к ней третьих лиц.

Изучение специальной литературы по данной проблематике приводит к мысли о том, что теоретиками правоведения пока не выработано единого подхода к определению понятия «информационный терроризм». На наш взгляд, это связано с новизной и малоизученностью вопросов, касающихся функционирования ИТ-среды. На сегодняшний день на уровне законодательства мы можем опереться только на собственно понятие «терроризм», закрепленное в ст. 3 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», в соответствии с которым: терроризм — это идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий.

Попробуем разобраться в специфике информационного терроризма.

Как и любой другой вид терроризма, информационный терроризм прежде всего предполагает негативное воздействие на человека, общество, государство, однако его отличительной чертой выступает «орудие» совершения данного преступления — информация. Она является — без преувеличения — оружием массового поражения в руках профессионального преступника; ее применение сиюминутно оказывает пагубное воздействие, влияя на психику и сознание людей. Информация формирует определенные мнения, взгляды, стереотипы, поведенческие модели, не давая индивиду шанса критически оценить ситуацию. Как правило, таким действием обладает откровенно тенденциозная информация, которая добивается своих целей не качеством информационного контента, а его количеством [1].

Помимо прочего, информационный терроризм представляет собой четкую и целенаправленную систему воздействия на компьютерную информацию, прикладное программное обеспечение, массивы данных с целью разрушения и/или дестабилизации общественного уклада жизни (порядка).

Информационный терроризм — одно из самых опасных, асоциальных и антиобщественных явлений в сфере государственных и международных отношений, которое опирается на использование телекоммуникационной сети Интернет в преступной цепи деяний, — именно посредством онлайн-пространства реализуется информационно-террористический акт.

Необходимо разграничивать понятия «кибертерроризм» и «информационный терроризм», поскольку второе — понятие более широкого значения. Иначе говоря, «кибертерроризм» является одним из основных производных видов информационного терроризма. Такое отличие играет заметную роль в реализации мер по противодействию ему и квалификации преступлений в рамках уголовного законодательства, поскольку эти два вида деятельности могут быть предусмотрены разными составами преступлений.

Перечислим признаки информационного терроризма:

1. Острота темы, предназначенной для террористической атаки (принцип подразумевает актуальность той информации, посредством которой реализуется террористическая деятельность; это важно, поскольку оказать существенное влияние на психику человека можно только при помощи такой информации).

2. Свежесть фактов. Этот принцип предполагает наличие информации, которая не была ранее никем из «потребителей» воспринята, что тоже играет важную роль в размещении «якорей» в сознании людей.

3. Сенсационный характер передаваемой информации. Стоит ли говорить, что информация о каких-либо экстремальных, опасных, сложных ситуациях оказывается предпочтительнее для внимания реципиента, чем что-то иное? Этим часто пользуются средства массовой информации для распространения фейковых новостей (что часто также исследователями относится к проявлениям информационного терроризма).

4. Статусность источника информации. Здесь действует простое правило: чем известнее и популярнее источник, тем легче информация задерживается в памяти адресата. Это объясняется психологическими особенностями восприятия социализированного человека — его склонностью к ориентации на общественное мнение, авторитеты.

Сегодня главной целью информационного терроризма выступает разрушение и подрыв основ конституционного строя государств. Очевидно, что для достижения преступной цели террористы выбирают наиболее эффективные средства и силы, которые «бьют по площадям». Здесь, кстати, можно проследить связь агентов иностранных спецслужб с некоторыми отечественными средствами массовой информации. В этом плане очевидными субъектами информационно-террористической деятельности в мирное время считаются:

- иностранные спецслужбы и организации;
- зарубежные и определенная часть российских средств массовой информации;
- сектантские и прочие организации с «мистической» идеологией;
- различного рода миссионерские организации;
- отдельные экстремистские элементы и группы [2].

Террористические акты информационного характера могут совершаться не только конкретными лицами или структурами, но также целыми государствами друг против друга. И в этом случае различия между информационным терроризмом и любым другим видом терроризма несколько размываются. Террористические атаки, сепаратизм, деятельность экстремистских группировок — во всех этих дестабилизирующих элементах важное положение занимают пропагандистские приемы и средства для ведения информационной войны, активные появления которой мы наблюдаем, в том числе, сегодня. Яркие примеры этого присутствуют в повседневной работе СМИ, действиях и высказываниях политиков иностранных государств, в международном информационном поле в целом. Разжигание ненависти ко всему «российскому»; распространение ложной («фейковой») информации о политических событиях, субъектом которых выступает наша страна; огромное количество кибератак, — всё это происходит в реальном режиме времени. Пожалуй, можно с уверенностью говорить о подконтрольности информационных потоков определенным русофобским силам и некритичном отношении к информационным поводам со стороны тех структур (СМИ, учреждений, лидеров общественных мнений), которые выступают ретрансляторами подобной информации.

Информационная среда — весьма проблемная зона для правового регулирования. На наш взгляд, для наиболее эффективного и качественного пресечения террористической преступности в ИТ-сфере и онлайн-пространстве необходимо создание специального антитеррористического законодательства, аккумулирующего все уголовно-правовые аспекты нивелирования террористической угрозы.

Сегодня обеспечение информационной безопасности Российской Федерации основано на государственной системе защиты информации, системе защиты государственной тайны, системе лицензирования деятельности в области защиты государственной тайны и системе сертификации средств защиты информации [3].

В то же время нельзя не отметить, что на данный момент законодательство РФ не в полной мере регулирует все стороны жизни государства и общества, связанные с информационной безопасностью. Это вызвано в первую очередь нестабильностью информационного поля, изменчивостью его ландшафта, из-за чего сложно определить приоритеты для правового регулирования.

Подводя итог нашим рассуждениям, отметим, что, несмотря на принимаемые меры по противодействию информационному терроризму, их, очевидно, явно недостаточно. Так, следует озаботиться постоянным совершенствованием уровня правовой защищенности отечественных информационных ресурсов. Законодательство также должно своевременно приспосабливаться к меняющемуся «правилам игры». Только таким образом возможно решение многих проблем, связанных с противодействием информационному терроризму, в частности — определением приоритетов антитеррористической политики, глубоким исследованием природы этого явления, выработкой действенных методов противостояния этому злу. Кроме того, следует обеспечить адресность и вместе с тем многозадачность реагирования органов государственной власти на проявления инфотеррористических угроз.

В теоретическом же отношении считаем необходимым сконцентрировать внимание научной общественности на правовой характеристике и анализе предметной области, связанной с информационным терроризмом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Старостина Е. В. Защита от компьютерных преступлений и кибертерроризма. Вопросы и ответы / Е. В. Старостина, Д. Б. Фролов. М.: Эксмо, 2005.
2. Григорьев Н. Ю., Родюков Э. Б. Информационный терроризм / Григорьев Н. Ю., Родюков Э. Б. // Вестник университета. 2015. № 5.
3. Фахти Д. В. Информационный терроризм как новая форма терроризма / Д. В. Фахти // Известия ТРТУ. 2006.

Kalyuzhnaya V. V.,
student, Rostov Branch of the Russian Customs Academy, Rostov-on-Don, Russia

Academic Supervisor: *Podroykina I. A., Cand. Sc. Law,*
Head of the Criminal Law Department,
Rostov branch of the Russian Customs Academy, Doctor of Law, Docent, Rostov-on-Don, Russia

INFORMATION TERRORISM: CRIMINAL LAW ASPECTS

The purpose of this article is to study criminal law aspects and the problem of information terrorism spread. Scientific and technological progress in all spheres of life has led to an increase in the crime associated with the infosphere, therefore, the question of struggling and counteracting it is becoming ever more acute. A relatively new type of terrorism has a significant negative impact on people's consciousness and entails not only social but also economic and political harm. In considering the issue, the reasons for the development of information terrorism in the territory of Russia, its forms and types, as well as the ways of solving this problem are analyzed.

Key words: information terrorism, infopole, national security, transnational counteraction, information war, anti-terrorist activity.

СОСТОЯЛСЯ РЕГИОНАЛЬНЫЙ ЭТАП ВСЕРОССИЙСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОЛИМПИАДЫ

Ежегодно Молодежный союз юристов Российской Федерации совместно со справочно-правовой системой «КонсультантПлюс» проводит Всероссийскую студенческую юридическую олимпиаду, в которой принимают участие самые одаренные студенты вузов. Олимпиада направлена на повышение качества юридического образования, активизацию интереса студентов к будущей профессии, совершенствование учебного процесса и популяризацию студенческих конкурсов в сфере права.

Олимпиада проводится в три тура (вузовский, окружной, финальный или федеральный) по трем номинациям — конституционное право, гражданское право и уголовное право.

В связи с продолжавшейся на тот момент ковид-пандемией Всероссийская студенческая юридическая олимпиада была организована в дистанционном формате. По давней традиции окружной тур олимпиады принимал на своей площадке юридический факультет Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Компетентное жюри проверяло и оценивало знание студентами как основ, так и нюансов отраслей права по всем номинациям.

Участие в региональной олимпиаде Южного федерального округа приняли 19 студентов из десяти вузов. Все команды, как и положено, выставили по два участника (лишь Южный федеральный университет представлял один делегат). Фактически же в состязаниях участвовали 11 студентов из семи вузов (учащиеся Кубанского и Астраханского госуниверситетов, а также Волжского филиала Международного юридического института не присутствовали на олимпиаде), причем Ростовский филиал Российской таможенной академии и Новороссийский институт Московского гуманитарно-экономического университета заявили по одному участнику со своей стороны.

Номинация «Конституционное право»

В состав жюри данной номинации входили: *П. П. Баранов* (заведующий кафедрой конституционного и муниципального права ЮРИУ РАНХиГС, доктор юридических наук, профессор), *А. И. Овчинников* (заведующий кафедрой теории и истории государства и права ЮФУ, доктор юридических наук, профессор) и *А. В. Титова* (старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин РГУП, кандидат юридических наук, руководитель юридического департамента городской коммунальной службы).

По результатам вузовского тура членам жюри предстояло оценить ответы шести участников, среди которых победителями были признаны:

— *Илья Королев* (Южно-Российский институт управления — филиал РАН-ХиГС) — **первое место**;

— *Владислав Хахалев* (Волгоградский институт управления — филиал РАН-ХиГС) — **второе место**;

— *Даниил Швеиц* (Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина) — **третье место**.

Жюри отметило тот факт, что, как победители, так и остальные участники олимпиады продемонстрировали высокий уровень знания теоретических положений конституционного права, проявили навыки владения нормативно-правовой базой, продемонстрировали способности к анализу и структурированию информации и в рамках ответов на вопросы билета, выбранного посредством генератора случайных чисел, и в режиме свободной полемики с членами жюри при необходимости пояснения того или иного соображения, высказанного в рамках ответа. Особый интерес вызвала информативная дискуссия с Ильей Королевым по вопросу «Гражданское общество: понятие, принципы, структура. Проблемы и перспективы формирования гражданского общества в России». Отвечая на дополнительные вопросы членов жюри, студент продемонстрировал завидную эрудицию, немалый креативный потенциал и весьма оригинальный подход к разработке темы, — именно такие качества будущего юриста, несомненно, являются наиболее востребованными в профессиональной сфере сегодня!

Номинация «Гражданское право»

В состязании по данной номинации приняли участие студенты пяти вузов региона. Членами жюри выступили представители Кубанского государственного университета, Ростовского филиала Российской таможенной академии и Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Задания, предложенные участникам олимпиады, традиционно охватывали широкий круг актуальных проблем в области гражданско-правового регулирования, включая регламентацию цифровых прав; косвенные иски участников юридического лица; вопросы, касающиеся правовой природы доменных имен, приобретения права собственности на самовольную постройку и пр.

Безусловно, члены жюри ощущали волнение участников, а иногда и их неуверенность в ответах. Случалось, что в ход шли даже наводящие вопросы, задававшиеся с намерением помочь определиться с правильным ответом; однако в некоторых случаях такая тактика, увы, приводила к еще большей путанности ответов.

Интересная дискуссия развернулась в отношении положений ст. 9 ГК РФ в части тождественности или отказа от осуществления права (отказа от права в принципе). В результате члены жюри пришли к единодушному заключению — замеченные пробелы в знаниях участников являются результатом недостатков дистанционного формата обучения.

Однако в целом «олимпийцы» продемонстрировали достаточно глубокие знания по номинации «Гражданское право» и самоотверженно боролись за победу, а потому определение победителей стало делом нелегким.

Первое место было присуждено *Ирине Матвеевой* (Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина), **второе** — *Елене Белозеровой* (Южный федеральный университет), **третье** — *Григорию Брунилину* (Южно-Российский институт управления — филиал РАНХиГС).

Номинация «Уголовное право»

В состав жюри номинации вошли *А.И. Бойко* (заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин ЮРИУ РАНХиГС, доктор юридических наук, профессор — председатель), *Е.В. Тищенко* (заместитель декана юридического факультета Южного федерального университета по научной и инновационной работе, кандидат юридических наук, доцент) и *А.Н. Ратьков* (доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Сочинского филиала Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), кандидат юридических наук, доцент).

Состязание завершилось **победой** представителя Ростовского филиала Российской таможенной академии *Мирослава Хальзова* (21,3 балла из 25 возможных), **второе место** заняла *Анна Молчанова* (Волгоградский институт управления РАНХиГС) с 20,7 балла, **третье место** завоевала *Ирина Бурак* (Южно-Российский институт управления РАНХиГС) с 19,5 балла. Таким образом, никто из участников не набрал максимального количества баллов, хотя, стоит отметить, страсти в онлайн-формате кипели нешуточные — оно и понятно — лидеров разделили десятые доли балла.

Организаторы окружного тура в этом году заготовили интересные вопросы, явно выходящие за пределы учебного материала и стимулирующие к самостоятельному мыслительному процессу. Подливали масла в огонь и нетривиальные дополнительные вопросы: можно ли в уголовно-правовом порядке охранять еще только формирующиеся общественные отношения? Можно ли считать смежным для «оставления в опасности» составом «поставление в опасность»? Почему караются призывы к экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ), а не к отдельным преступлениям экстремистской направленности? корректна ли уголовная ответственность за «иное преступление» при добровольном отказе от «первичного» преступления с точки зрения субъективной стороны посягательства и принципа субъективного вменения?

К сожалению, дистанционный вариант состязания лишил участников и членов жюри живого общения, разумеется, повлиял на градус дискуссионных баталий. Однако Молодежный союз юристов РФ частично компенсировал данный изъян значительным усовершенствованием процедуры оценки студенческих ответов, сделав саму процедуру более прозрачной и максимально объективной. Новшества выразились в следующем:

- в первичном «индивидуальном протоколе члена жюри» не указывались вузы, в которых обучались студенты;
- баллы, которые выставлялись членами жюри участникам от «своего» вуза, в зачет не шли;
- итоговая сумма баллов каждому олимпийцу определялась по среднему значению (общая сумма делилась на число членов жюри);
- очередность подготовки и ответов определялась в алфавитном порядке;
- номер билета случайным образом «выбирал» компьютер.

В результате жалоб и претензий в отношении регламента проведения олимпиады, как и недовольства полученными баллами от участников состязания, не поступило. Поэтому можно с уверенностью утверждать, что праздник студенческой мысли и креатива состоялся! Пожелаем же победителям от Южного федерального округа успеха и на финальном этапе олимпиады, который состоится в Москве.

Сашенко А. А.,
*старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин
Южно-Российского института управления —
филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»*

ЗНАЧИМЫЕ СОБЫТИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ИНТЕРЕСА УЧАЩИХСЯ ЮРИДИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ К УГЛУБЛЕННОМУ ИЗУЧЕНИЮ ПРОФИЛЬНЫХ ДИСЦИПЛИН

Нынешний год, как известно, — юбилейный для российской прокуратуры. Оценивая эволюцию прокурорского надзора, — этого в высшей степени значимого элемента государственной системы — следует учитывать, что анализ истории отечественной прокуратуры позволяет не только проследить собственно формирование и развитие аппарата органов надзора в историческом контексте, но также помогает обнаружить закономерности развития государства и права (и даже отдельных правовых институтов) в целом.

Исторические вехи такого масштаба, как 300-летие прокуратуры, неизбежно находят выражение в подходах к подаче учебного материала в образовательных учреждениях юридического профиля. В частности, в Сочинском филиале Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), о котором пойдет речь в данном очерке, решили использовать юбилейное событие как повод углубить знания студентов о прокуратуре и прокурорском надзоре, опираясь при этом на разнообразные формы не только учебной, но и внеаудиторной работы.

Так, в Сочинском филиале ВГУЮ (РПА Минюста России) был организован и проведен конкурс научных докладов «История российской прокуратуры в лицах». Студенты подготовили научные сообщения о двенадцати наиболее известных прокурорах России, начиная с первого — П. И. Ягужинского и завершая прокурорами нового времени — Ю. И. Скуратовым и Ю. Я. Чайкой.

Победителем конкурса стал студент 2 курса А. Гериханов, второе место разделили третьекурсники Л. Асатрян и С. Касумян, третью ступень пьедестала заняла студентка 2 курса ускоренной формы обучения Ю. Мазур. Ценные призы, врученные победителям — красочная букинистика, посвященная истории юриспруденции, — наверняка послужат стимулом для призеров к дальнейшему изучению темы.

В развитие цикла мероприятий, приуроченных к 300-летию образования прокуратуры в России, было, кроме того, организовано выездное заседание созданного при кафедре уголовно-правовых дисциплин Сочинского филиала ВГУЮ (РПА Минюста России) студенческого научного кружка «Crimen», которое прошло в стенах музея истории города-курорта Сочи, где работала в это время экспозиция «На страже законности и правопорядка: из истории прокуратуры г. Сочи». Участники научного кружка ознакомились с документами, относящимися к учреждению прокуратуры в г. Сочи, узнали немало интересного из жизни первых прокуроров г. Сочи и Краснодарского края.

«Музейное» заседание студенческого научного кружка вызвало заметное оживление среди студентов, приступивших к изучению курса «Прокурорский надзор», которые также пожелали посетить выставку. Инициатива была поддержана руководством филиала, и одно из занятий по дисциплине прошло в музее; а позже в аудитории были подробно рассмотрены этапы становления прокуратуры в России с упором на место прокуратуры г. Сочи в системе надзора за соблюдением прав и свобод личности в РФ.

Следующей инициативой стало проведение конкурса обвинительных речей. Для подготовки своих выступлений участники конкурса заранее получили вступившие в законную силу приговоры суда по конкретным уголовным делам. Оценивать качество «обвинения» любезно согласились действующие сотрудники прокуратуры г. Сочи — старший помощник прокурора г. Сочи, юрист 1-го класса Д. П. Мынзат и помощник прокурора г. Сочи, юрист 1-го класса В. А. Новикова, вместе с которыми в жюри конкурса вошел зав. кафедрой уголовно-правовых дисциплин, к. ю. н., доцент С. Г. Пильников.

Студенты третьего и четвертого курсов предстали перед сокурсниками в качестве государственных обвинителей. Речи каждого из участников конкурса были подробно прокомментированы сотрудниками прокуратуры, указавшими не

только на просчеты в структуре выступления, но и на варианты выбора тактики ее произнесения в зависимости от обстоятельств совершенного преступления и хода судебного разбирательства.

По итогам конкурса победителем была признана студентка 4 курса Мария Горина. Второе место было присуждено студентке 3 курса Яне Жуковой, а третья ступень пьедестала досталась студентке 3 курса Светлане Есауловой. Всем призерам конкурса вручили почетные грамоты прокурора г. Сочи.

Завершающим этапом в учебно-просветительской кампании, приуроченной к юбилею российской прокуратуры, стало участие студенческих команд филиала в викторине «Российская прокуратура: от истоков до современности», организованной управлением молодежной политики администрации г. Сочи совместно с Сочинской прокуратурой. От Сочинского филиала ВГУЮ (РПА Минюста России) выступали команда колледжа под названием «Закон» и команда юридического факультета «Честь», подготовленная преподавателями кафедры. В результате напряженной борьбы, которая проходила в несколько этапов, победителем была признана команда юридического факультета Сочинского филиала ВГУЮ (РПА Минюста России) «Честь», капитану которой (Владимиру Кешишяну) были вручены почетная грамота и ценный подарок. Привести команду к победе капитану

помогли студенты юридического факультета — Анна Юрина, Милана Кайтукова, Ольга Молохова, Ашот Кагосян и Татьяна Кряжинова.

Описанные в очерке примеры актуализации учебной и научной проблематики в культурно-познавательной и игровой формах, на наш взгляд, являются хорошим примером того, каким образом можно придать новый импульс профессиональной самомотивации учащихся, побудить их к предметному изучению содержания и характера своей будущей профессиональной деятельности, а также развить в себе необходимые компетенции.

Ратков А. Н.,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Сочинского филиала ВГУЮ (РПА Минюста России), к. ю. н., доцент

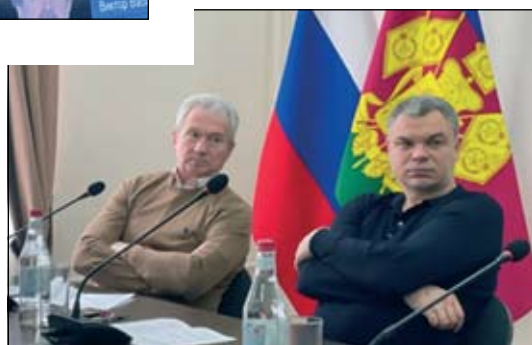
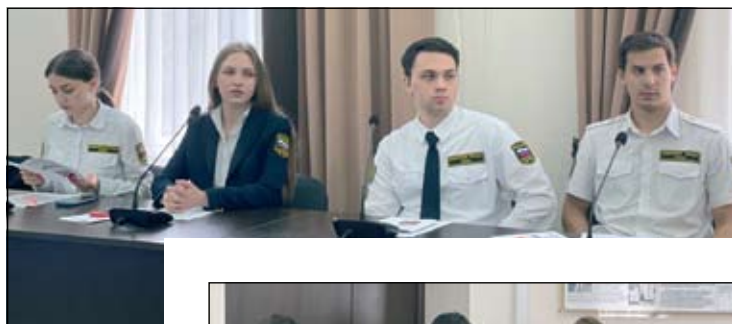
КРУГЛЫЙ СТОЛ ПАМЯТИ ВЫДАЮЩЕГОСЯ КРИМИНОЛОГА В. В. ЛУНЕЕВА

20 мая 2022 года в Сочинском филиале ВГУЮ (РПА Минюста России) состоялся круглый стол под названием «Исследование тенденций и закономерностей преступности XX века в трудах В. В. Лунеева».

Виктор Васильевич ЛУНЕЕВ

Выдающийся советский и российский правовед с мировым именем, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, лауреат Государственной премии РФ по науке и технике, которому в феврале этого года могло бы исполниться 90 лет...

Программа круглого стола предусматривала две части: обсуждение трудов В. В. Лунеева и выступления студентов с обзором отдельных научных публикаций Виктора Васильевича.

Сообщение, посвященное труду именитого ученого «О криминализации экономических преступлений предпринимателей» подготовил заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Сочинского филиала ВГУЮ (РПА Минюста России), к. ю. н., доцент С. Г. Пильников. Работу Лунеева «Наука криминального цикла и криминологические реалии» осветила в своем выступлении к. ю. н., доцент Е. А. Димитрова. «Обвинительное заключение о международных и внутренних преступлениях политического руководства США (от Д. Кеннеди до Д. Буш-старшего)» подробно разобрал к. ю. н., доцент А. Н. Ратьков. Оценку значимости исследования «О криминологическом-аналитическом и системном подходе к законотворчеству» дала старший преподаватель кафедры О. И. Задаянная.

На мероприятие был приглашен д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Южно-Российского института управления-филиала РАНХиГС Александр Иванович Бойко, которому посчастливилось лично общаться с мэтром криминологии. Он рассказал участникам встречи о своих впечатлениях от общения с В. В. Лунеевым, о значимости его трудов для современной криминологии и оригинальности взглядов талантливого ученого.

В работе круглого стола также приняли участие представители профильных факультетов и кафедр ряда высших учебных заведений региона. Так, магистрант юридического факультета Адыгейского государственного университета К. Гвашев представил реферат монографии В. В. Лунеева «Мотивация преступного поведения», а студентка 3 курса бакалавриата юридического факультета Сочинского государственного университета В. Зубчик — обзор статьи выдающегося криминалиста «Криминологические, виктимологические и пенитенциарные проблемы несовершеннолетних».

С неподдельным интересом и последующим заинтересованным обсуждением прошла презентация студенческих выступлений, раскрывавших основные идеи В. В. Лунеева, изложенные им в блестящих работах — «Россия должна исторгнуть приметы правовой системы планеты Транай» (2017), «Актуальные проблемы глобализации мира» (2015), «Глобализация мира как одна из основных мегатенденций современного мирового развития» (2016), «Проблемы российского уголовно-правового законотворчества», в 2 частях (2013), «Интернационализация конституционного права в условиях глобализации» (2015), «Преступность в России: тенденции, эффективность борьбы, прогноз» (2003), «Особенности современной преступности в России» (2003), «Свобода лучше, чем несвобода?» (2012), «Соотношение криминальных реалий с теорией права в России» (2014).

Такой формат учебно-научной работы — когда учащиеся в тандеме со своими преподавателями и коллегами из других вузов участвуют в обсуждении профессиональной проблематики практически на равных — безусловно, заслуживает самой высокой оценки. Плечом к плечу со старшими, более опытными товарищами «по оружию» будущим правоохранителям и правоприменителям, разумеется, гораздо проще встроиться в систему координат современной юриспруденции.

К 90-ЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА М.М. БАБАЕВА

*9 июня 2022 г. исполнилось 90 лет известнейшему отечественному правове-
ду, доктору юридических наук, профессору, заслуженному деятелю науки Рос-
сийской Федерации, просветителю Михаилу Матвеевичу Бабаеву. Его перу
принадлежит около 200 научных работ, в том числе восемь монографий и
учебных пособий, опубликованных на Родине и за рубежом (в Италии, США,
ЮАР, Венгрии). Под его руководством была сформирована научная школа
«Демография и преступность, социальные последствия преступности, кри-
минологическая безопасность, молодежная преступность».*

Вехи жизненного пути М.М. Бабаева — лучшая иллюстрация его заслуг. В возрасте 23 лет Михаил Матвеевич окончил юридический факультет Ростовского государственного университета. Затем работал в Ростове-на-Дону — юрисконсультантом, народным судьей, председателем народного суда.

В 1962–1965 гг. М.М. Бабаев обучался в аспирантуре юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова и в 1966 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Индивидуализация наказания несовершеннолетних по советскому уголовному праву».

С 1964 по 1978 гг. Михаил Матвеевич работал во Всесоюзном институте по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности Прокуратуры СССР. В этом же институте в 1975 г. состоялась защита его очередной — уже докторской диссертации, посвященной криминологическим аспектам социально-демографических процессов в СССР.

Далее в профессиональной биографии Бабаева были Академия МВД СССР, ВНИИ МВД России и Академии ФСИН России. В настоящее время Михаил Матвеевич трудится главным научным сотрудником Российского университета правосудия, передавая свой опыт и знания новому поколению юристов, активно участвует в научных конференциях, входит в состав Санкт-Петербургского международного криминологического клуба.

Михаил Матвеевич с 1979 по 1991 год был ведущим единственной в Советском Союзе просветительской правовой телепередачи «Человек и закон».

Предоставим слово одному из младших соратников М.М. Бабаева, который к тому же известен в юридических кругах России и зарубежья непревзойденным слогом — игривым, многогранным, витиеватым и забористым, но... всегда с дружественными нотками и проникновенными пожеланиями, — *заведующему кафедрой уголовно-правовых дисциплин Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, председателю редакционного совета межвузовского научного журнала «Спутник высшей школы», доктору юридических наук, профессору А.И. Бойко:*

Дорогой Михаил Матвеевич!

В 90-е годы прошлого века на конференциях в Москве и Питере я начинал свои выступления словами «Приветствую вас, «демократы Севера», от имени «рабовладельческого Юга»» и тем подчеркивал опасность очередной революционной бузы или шоковых реформ, традиционно распространявшихся из столиц «до самых до окраин». Но к ростовчанину по рождению и москвичу по прописке — Михаилу Матвеевичу Бабаеву — поборнику золотой середины и в науке, и в жизни, — данное замечание не относится!

Это таких, как Вы, Михаил Матвеевич, — «последних из могикан» — имела в виду Фаина Раневская, восклицая: «О Господи! Как же я стара, ведь я еще помню порядочных людей!».

Я благодарен Провидению за дарованное мне счастье многие годы знать, видеть и слушать Вас, встречаться с Вами, беседовать, упиваться текстами Ваших произведений, той неповторимой академической иронией, что сквозит в каждой Вашей фразе. Увы, стремительно истончается в нашем обществе прослойка по-настоящему интеллигентных людей — энциклопедически образованных, философски воспринимающих издержки нынешнего мятежного времени, участливых и понимающих. Вы — светило на нашем профессиональном небосклоне. Вы — тот, от кого, по меткому замечанию Игоря Губермана, свет исходит (в отличие от тех, кто способен его лишь поглощать).

И что же, Михаил Матвеевич, Вам пожелать, чтобы потом, как говорят в народе, самому не позавидовать? Наверное, пожелаю Вам и впредь служить благородным примером подвижничества и труженичества в нашей ответственной, специфической и крайне болезненной сфере знаний! Крепкого Вам здоровья, благодарных учеников, умных и жадных глаз в учебных аудиториях. И уж, поскольку Вы с лихвой преодолели повышенный пенсионный возраст, — пользуйтесь преимущественно правами и свободами, оставив обязанности молодым! Носите полагающийся Вам по праву лидера науки лавровый венок лихо, набекрень и с вызовом. *Acstios!*

Услуги, предоставляемые редакцией на платной основе (по запросу автора)

- обработка статьи в соответствии с редакционными требованиями (включая подбор УДК);
- редакторские услуги (литературная правка текста статьи);
- корректорская вычитка текста статьи;
- приведение библиографического списка статьи в соответствие с действующими издательскими стандартами;
- подготовка аннотации, ключевых слов, оформление титульной страницы статьи на русском и английском языках;
- текст рецензии на статью в электронном виде;
- авторское свидетельство о публикации статьи;
- печатный экземпляр издания.

Адрес редакционной коллегии:

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 52–56, пом. 22.

Тел.: 8 (863) 241-37-43, 246-08-68.

E-mail: sputnik-nauki@yandex.ru, <https://sputnik-nauki.ru>

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Регистрационный номер: Эл №ФС77-81697 от 19.08.2021 г.

ISSN 2782-5647. Выходит ежеквартально.

Главный редактор выпуска — А. Н. Ратьков.

Ответственный за выпуск — Д. В. Нефёдов.

Корректор — П. В. Багров. Дизайн-модель издания — © Д. В. Нефёдов

Верстка — издательство «Профпресслит», www.profpresslit.ru

Отпечатано в редакционно-издательском комплексе «Профпресслит».
Сдано в набор 25.05.2022. Подписано в печать 09.06.2022. Формат 64x80/8.

Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура Minion Pro.

Усл. печ. л. 9,5. Тираж 100 экз.

Любая перепечатка материалов допускается только с разрешения редакции.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов публикаций